

В огне
страсти

ДЖОАННА ЛИНДСЕЙ

Это дикое сердце

СЕРИЯ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

В огне страсти

Джоанна Линдсей
Это дикое сердце

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1997

УДК 821.111-31(73)

Линдсей Д.

Это дикое сердце / Д. Линдсей — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1997 — (В огне страсти)

ISBN 978-0-380-75084-8

Отец был главным мужчиной в жизни юной Кортни. И когда он пропал, жизнь потеряла для девушки всякий смысл. Но Кортни не перестает верить в то, что отец жив. Она мечтает найти его. И ради этого пускается в опасное путешествие из Канзаса в Техас через Индейскую территорию. Девушка чувствует себя одинокой и растерянной. Поэтому берет с собой в попутчики отчаянного бандита Чандоса. Его грубая сила невероятно влечет девушку, она буквально сгорает от желания оказаться в его сильных руках... Но Кортни совсем не знает этого мужчину. Кто он? Безжалостный дикарь или нежный мужчина из ее снов, тот, с кем она может почувствовать себя защищенной и желанной?

УДК 821.111-31(73)

ISBN 978-0-380-75084-8

© Линдсей Д., 1997
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1997

Содержание

Это дикое сердце	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	39
Глава 11	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джоанна Линдсей

Это дикое сердце

* * *

© Johanna Lindsey, 1997

© Jon Paul, обложка, 2018

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

Дизайнер обложки *Андрей Цепотан*

Это дикое сердце

Дорин и Джерри, лучшим друзьям и кузенам за то, что всегда были рядом

Дорогой читатель, я всегда влюбляюсь в каждый созданный мной персонаж. И мне грустно оставлять своих героев в прошлом, когда работа над книгой закончена. Поэтому идея продолжения историй привлекает меня: я вновь встречаюсь с любимыми персонажами, могу понаблюдать, как они прожили годы, прошедшие с тех пор, как я написала о них в последний раз.

В моей книге «Все, что мне нужно, это ты» рассказывается о Кейси Стрэттон, решительной и независимой дочери героя романа «Это дикое сердце». Кейси – женское воплощение Чандоса, грозного, замкнутого разбойника, неукротимого, как сам Дикий Запад, во времена которого он живет. И Кейси, и Чандос горды, сильны духом и не привыкли сидеть без дела.

Надеюсь, что, читая этот роман, вы поймете, почему Чандос занимает особое место в моем сердце. Это самый упрямый из моих персонажей, безраздельно посвятивший четыре года своей жизни утверждению справедливости. Если кто-то из героев и нуждался в любви и заботе доброй женщины, так это Чандос. И он находит эту любовь в Кортни Хорте. Для него Кортни – символ невинности и чистоты. А теперь ему ещё предстоит узнать, что она такая же пылкая и целеустремленная, как он сам.

Джоанна Линдсей

Глава 1

Канзас, 1868

Элрой Брауэр раздраженно стукнул пивной кружкой по столу. Шум в салуне отвлекал его от соблазнительной блондинки, сидящей у него на коленях, а Элрою редко представлялся случай пощупать такое привлекательное создание, как Большая Сэл. Чертовски досадно, когда тебя то и дело отвлекают.

Поерзав пышной попкой по промежности Элроя, Большая Сэл наклонилась и что-то прошептала ему на ухо. Ее слова, совершенно недвусмысленные, произвели именно тот эффект, на который она рассчитывала: мужчина возбудился.

– Может, поднимемся наверх, милый? Там мы будем одни, – промурлыкала Большая Сэл.

Элрой расплылся в улыбке, представляя, как приятно проведет время с этой соблазнительницей. Сегодня он собирался остаться с Большой Сэл на всю ночь. Шлюха, к которой он наведывался в Рокли – ближайшем к его ферме городке, была старая и тощая. Большая Сэл же напротив – настоящая пышка. Элрой уже возблагодарил судьбу за то, что встретил её, прибыв в Уичито.

Сердитый голос хозяина ранчо снова привлек внимание Элроя. После того, что случилось у него на глазах пару дней назад, он не мог не прислушиваться.

Всем, кто согласился его выслушать, ранчеро рассказывал, что зовут его Билл Чепмэн. Он пришел в салун немного раньше и угостил всех выпивкой. Впрочем, это не такой уж щедрый жест, как могло показаться, ведь в салуне тогда было всего семь человек, двое из них – салунные девицы.

Чепмэн владел ранчо чуть севернее этих мест и собирал людей, которым так же, как ему, осточертели индейцы, терроризировавшие округу. Внимание Элроя и привлекло слово «индейцы».

У самого Элроя не было проблем с индейцами, по крайней мере до сих пор. Но он приехал в Канзас всего два года назад.

Небольшая ферма, принадлежавшая ему, была не защищена, и он знал это, знал чертовски хорошо. До ближайших соседей – миля, а до городка Рокли – все две. К тому же на ферме живет только сам Элрой да Питер, парнишка, нанятый им для помощи при сборе урожая. Жена Элроя умерла через полгода после их приезда в Канзас.

Элрою не нравилось чувство незащищенности, совсем не нравилось. Здоровяк, ростом шесть футов четыре дюйма, с грудью обхватом с бочку, он привык, что его размеры помогают выходить победителем из любых жизненных неурядиц, кроме тех, которые он сам накликал на свою голову. Никому не хотелось отведать массивных кулаков Элроя. Ему тридцать два года, и он в превосходной форме.

Однако теперь Элроя всерьез беспокоили дикари, носившиеся по прериям и мечтавшие выжить порядочных, благочестивых поселенцев.

Этим дикарям было неведомо, что такое «честная игра», да и о равных шансах они не знали. От историй об индейцах, услышанных Элроем, даже у него шли мурашки по коже. Не зря его предупреждали не селиться так близко к границе Индейской территории, этому огромному бесплодному пространству между Канзасом и Техасом. От его фермы до канзасской границы было всего-то тридцать пять миль. Но, черт возьми, это была превосходная земля, прямо между реками Арканзас и Уолнат. Элрой рассчитывал, что с окончанием войны армия сумеет удержать индейцев на отведенных им землях.

Как бы не так. Солдат по всей границе не расставишь. Как только разразилась Гражданская война, индейцы объявили собственную войну поселенцам. Гражданская война уже закон-

чилась, а вот война с индейцами только набирала силу. Они с невиданным доселе упорством отказывались расставаться с землей, которую считали своей.

В тот вечер страх заставлял Элроя внимательно прислушиваться к словам Билла Чепмэна, несмотря на жгучее желание пойти наверх с Большой Сэл. Два дня назад, до их с Питером отъезда в Уичито, он заметил небольшую группу индейцев, пересекавшую западную оконечность его земель. Это был первый неприятельский отряд, встретившийся ему. Ведь те кроткие и послушные индейцы, которых он видел во время путешествий по западу, не шли ни в какое сравнение с этими воинами.

Группа состояла из восьми человек, хорошо вооруженных, в одежде из оленьей кожи. Они двигались на юг. Их появление встревожило Элроя настолько, что он проследовал за ними, на большом расстоянии, разумеется, до их лагеря на слиянии рек Арканзас и Ниннеска. На восточном берегу Арканзаса стоял десяток вигвамов. А рядом обустроивались еще около дюжины индейцев, в том числе женщины и дети.

Осознание того, что это племя не то кайова, не то команчей, разбило лагерь всего в нескольких часах быстрой верховой езды от его дома, холодило кровь в жилах Элроя. Он предупредил соседей о приближении индейцев, зная, что эта новость заставит их запаниковать.

Приехав в Уичито, Элрой сообщил и в городке о том, что видел. Горожане были напуганы известием, и вот теперь Билл Чепмэн обращался к завсегдатаям салуна, собирая ополчение. Три человека согласились примкнуть к Чепмэну и шести ковбоям, которых тот привел с собой. Один из завсегдатаев заявил, что знает в городе двух братьев-бродяг, которые не прочь подстрелить парочку краснокожих. Он ушел из салуна разузнать, подпишутся ли они на эту затею. Заручившись поддержкой трех добровольцев и ожидая еще двоих, Билл Чепмэн обратился к голубым глазам Элроя, который все это время молча его слушал.

– А ты что скажешь, друг? – осведомился долговязый ранчеро. – Ты с нами?

Элрой подтолкнул Большую Сэл с колен, но не отпустил ее руки, когда двинулся к Чепмэну.

– Разве не лучше позволить армии разбираться с индейцами? – осторожно поинтересовался он.

Хозяин ранчо презрительно захохотал.

– Чтобы армейские пожурили их и вежливо сопроводили обратно на Индейскую территорию? Это неправильно. Если рядом с тобой живет хитрый индеец, единственный способ сделать так, чтобы он прекратил у тебя воровать – это прикончить его. Банда этих кайова вырезала в моем стаде больше пятнадцати голов и на прошлой неделе угнала у меня дюжину лучших лошадей. За последние годы они слишком часто залазили мне в карман, и я больше не намерен терпеть их набеги. – Он продолжал пристально смотреть на Элроя. – Так ты с нами?

От страха Элроя обдало холодом. Вырезали пятнадцать голов! У него с собой было всего два быка, но скот, оставшийся на ферме, индейцы могли украсть или перебить за день. А без коров ему крышка. Если кайова надумают заглянуть к нему, он останется ни с чем.

Элрой решительно поднял карие глаза на Билла Чепмэна.

– Два дня назад, увидев отряд из восьми индейцев, я проследил за ним до лагеря, разбитого на берегу Арканзаса, примерно в тринадцати милях от моей фермы. Отсюда это миль двадцать семь, если вдоль реки.

– Проклятье, почему сразу не сказал? – вскрикнул Чепмэн и задумался. – Может, это как раз те, что нам и нужны. Да, за это время они могли туда уйти. У этих дьяволов быстрые ноги. Это были кайова?

Элрой пожал плечами.

– По мне, так они все на одно лицо. Но лошадей они там не искали, – честно сказал он. – Хотя в их лагере был целый табун. Голов сорок.

– Покажешь мне и моим людям, где их лагерь? – спросил Чепмэн.

Элрой нахмурился.

– У меня два быка, мне нужно отвезти плуг на ферму, и лошади нет, так что я вас только задержу.

– Я дам тебе лошадь на время, – предложил Чепмэн.

– Но мой плуг...

– Я заплачу за его хранение, пока нас не будет. Ты же можешь за ним вернуться, правда?

– Когда вы выезжаете?

– Завтра на рассвете. Если поскачем, как черти, а они останутся на месте, мы будем в их лагере к полудню.

Элрой взглянул на Большую Сэл и широко улыбнулся. Раз Чепмэн не собирается выезжать немедленно, ночь с Большой Сэл не отменяется. Но завтра...

– Записывай меня, – сказал он Чепмэну. – И моего помощника.

Глава 2

Четырнадцать всадников, скача во весь опор, покинули Уичито следующим утром. Питер, девятнадцатилетний юноша, был охвачен радостным волнением. Никогда прежде с ним не случалось ничего подобного, и теперь у него внутри все клокотало от возбуждения. Но не он один испытывал подобные чувства – кое-кто из отряда просто любил убивать, и теперь появился прекрасный повод для этого.

Элрой было плевать на всех этих людей, он не имел с ними ничего общего. Но они провели на Западе намного больше времени, и рядом с ними Элрой чувствовал себя новичком. Впрочем, у них имелась, по крайней мере, одна общая черта. У каждого была своя причина ненавидеть индейцев. Трое помощников Чепмэна называли только свои имена: Тэд, Карл и Цинциннати. Трех вольных стрелков, которых подрядил Чепмэн, звали Лерой Керли, Дэйр Траск и Уэйд Смит. Среди добровольцев из Уичито был странствующий зубной лекарь с чересчур говорящей, а потому явно не настоящей фамилией – мистер Смайли¹. Элрой не понимал, почему тот, кто приезжает на Запад, стремится сменить фамилию, иногда на созвучную своей профессии, иногда – просто так. В отряде был еще бывший помощник шерифа, который прибыл в Уичито полгода назад подыскать новую работу, да все никак не сподобился ее найти. Элрой не понимал, чем он все это время зарабатывал на жизнь, но благоразумно не спрашивал его об этом. Третьим из Уичито был такой же, как Элрой, поселенец, который случайно оказался вчера вечером в салуне. Двух братьев, направлявшихся в Техас, звали Маленький Джой Коттл и Большой Джой.

Мчась во весь опор, надеясь набрать еще людей, Чепмэн привел свой отряд в Рокли к полудню того же дня. Однако крюк они сделали почти напрасно: там к ним присоединился всего один человек – сын Ларса Хандли Джон. Впрочем, там же выяснилось, что можно так не спешить: в Рокли их встретил Большой Джой Коттл, поехавший вперед. Он сообщил, что лагерь индейцев все еще стоит на берегу реки.

До лагеря добрались под вечер. Элрой еще никогда в жизни так не скакал: его зад дико болел, да и лошади едва держались на ногах. Свою лошадь он не стал бы так загонять.

Деревья и пышная растительность на берегу стали идеальным укрытием для Чепмэна и остальных. Они осторожно почти вплотную подкрались к лагерю и стали наблюдать. Рев реки заглушал звуки, которые они невольно производили. Перед ними предстала мирная картина: под кронами огромных деревьев стояли вигвамы. Дети чистили лошадей, женщины сидели группкой и разговаривали. Одиноким старик играл с младенцем.

«Трудно поверить, что эти люди – кровожадные дикари, – подумал Элрой. – Мало того, их женщины пытали пленных даже с еще большей жестокостью, чем мужчины», – по крайней мере, он слышал такие слухи. Люди Чепмэна увидели лишь одного воина в лагере, но это еще ничего не значило. Маленький Джой предположил, что у остальных воинов сиеста – они отдыхают, как это принято у мексиканцев.

– Нужно дождаться ночи. Когда они все заснут, мы застанем их врасплох, – предложил Тэд. – Индейцы не любят воевать по ночам. Они, кажись, верят: если помрешь ночью, твой дух не сможет найти дорогу в счастливые охотничьи угодья. Немного неожиданности никому не помешает.

– Сдается мне, и в данный момент неожиданность на нашей стороне, – вставил мистер Смайли. – Если все их воины сейчас спят...

– Их, может быть, вообще здесь нет.

¹ Smiley – улыбчивый (англ.). (Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.)

– Откуда нам знать? А вдруг они сейчас сидят по вигвамам и готовят оружие или баб своих пользуют? – осклабился Лерой Керли.

– Много баб понадобится. Здесь всего десять вигвамов, Керли.

– Вы узнаете своих лошадей, мистер Чепмэн? – спросил Элрой.

– Пока нет. Но они слишком тесно стоят, чтобы можно было хорошо рассмотреть всех.

– Это кайова. Я их ни с кем не спутаю.

– Не думаю, Тэд, – возразил Цинциннати. – По-моему, это команчи.

– Откуда знаешь?

– Оттуда же, откуда ты знаешь про кайова, – ответил Цинциннати. – Я команчей ни с кем не спутаю.

Карл не обращал на них внимания, потому что Тэд и Цинциннати вечно спорили.

– Какая разница? Индейцы они и есть индейцы, и здесь не резервация, поэтому добра от них не жди.

– Мне нужны те, что набеги устраивали... – вставил Билл Чепмэн.

– Понятное дело, босс, но неужели ты их отпустишь, если это не они?

– Они могут устроить такой же набег в следующем году, – заметил Цинциннати, осматривая винтовку.

– Проклятье, – взорвался Маленький Джой. – Ты хочешь сказать, что мы весь день натирали задницы в седлах, чтобы сейчас развернуться и уйти, никого не убив? Черта с два!

– Тише, братишка. Я уверен, мистер Чепмэн совсем не это имел в виду. Не так ли, мистер Чепмэн?

– Да, – зло произнес ранчero. – Карл прав. Не важно, та это банда дикарей или нет. Избавимся от этих – остальные дважды подумают, прежде чем устраивать новые набеги.

– Так чего мы ждем? – Питер азартно посмотрел по сторонам.

– Только женщин не убивайте, – впервые подал голос Уэйд Смит. – Я себе возьму парочку. Мне за работу полагается.

– Дело говоришь, – хохотнул Дэйр Траск. – А я уж думал, опять скучать придется.

Для возбуждения, охватившего мужчин, появилась ещё одна причина. Женщины! Об этом они не думали раньше. Спустя десять минут тишину взорвал треск винтовочных выстрелов. Когда затих последний выстрел, в живых осталось четыре индейца: три женщины и одна девочка, которая показалась Уэиду Смицу слишком хорошенькой, чтобы пустить ее в расход сразу. Женщин изнасиловали и убили.

На закате четырнадцать мужчин покинули поселение индейцев. В перестрелке был потерян один человек – бывший помощник шерифа. Увозя его тело, в отряде думали о том, что его смерть – жертва, которую они могли себе позволить.

В лагере после их отъезда воцарилась тишина, все крики унес с собой ветер. И лишь река продолжала реветь. Не осталось никого, кто мог бы оплакать погибших команчей, не имевших никакого отношения к ограбившим ранчо Билла Чепмэна индейцам кайова. Не осталось никого, кто окропил бы слезами тело девочки, которая приглянулась Биллу Чепмэну своей темной кожей и голубыми глазами, глазами, которые выдавали в ней примесь белой крови. Никто из ее племени не слышал, как она страдала перед смертью, потому что ее мать умерла до того, как они закончили насиловать девочку. Той весной ей исполнилось десять лет.

Глава 3

– Кортни, опять ты сутулишься. Леди не должны сутулиться. Боже, неужели тебя вообще ничему не научили в этих твоих дорогих школах для девиц?

Девочка, которую ругали, покосилась на мачеху, открыла было рот что-то сказать, но передумала. Что толку? Сара Уайткомб, ставшая теперь Сарой Хорте, слышала только то, что хотела слышать, и ничего больше. Впрочем, она все равно уже не смотрела на Кортни, ее внимание привлекла показавшаяся вдалеке ферма.

Кортни все же выпрямила спину, и, почувствовав, как протестующе заныли мышцы шеи, стиснула зубы. Почему Сара только к ней цепляется? Иногда эта женщина изумляла Кортни. Большую часть времени девушка предпочитала отмалчиваться. Уходить в себя – это был ее способ не подпускать к себе зло. В последнее время, если ее бывлая смелость и просыпалась, то очень редко, – в минуты смертельной усталости, когда ей становилось уже все равно. Но девушка не всегда была таким комком страхов и неуверенности в себе. В детстве Кортни – это не по годам смелый, общительный ребенок, веселый и озорной. Мать, бывало, поддразнивала ее, говоря, что внутри нее живет чертенок. Но мать умерла, когда девочке было всего шесть лет.

За прошедшие с тех пор годы Кортни отправляли из одной школы в другую; ее отец, охваченный горем, не мог помочь дочери справиться с чувствами. И Эдварда Хорте, по-видимому, устраивало, что Кортни разрешали приезжать домой только летом, и то на несколько недель. Но даже в это время у Эдварда не находилось времени побыть со своим единственным ребенком. Почти все военные годы он вообще не появлялся дома.

К пятнадцати годам Кортни уже слишком долго была нежеланной и нелюбимой. Она перестала быть открытой и приветливой, превратившись в скрытную и настороженную девочку, настолько чувствительную к реакции окружающих, что при малейшем намеке на их недовольство она моментально уходила в себя. Отчасти в этой болезненной стеснительности были виноваты многочисленные строгие учителя девочки, но основная причина коренилась в постоянных попытках вернуть отцовскую любовь.

Эдвард Хорте был врачом, и его процветающая практика в Чикаго почти не оставляла ему времени на что-либо, кроме пациентов. Высокий, элегантный южанин обосновался в Чикаго после женитьбы. Кортни казалось, что в мире нет мужчины красивее и трудолюбивее отца. Она боготворила его и будто умирала всякий раз, когда он смотрел на нее невидящими глазами, такими же медово-карими, как у нее.

До начала Гражданской войны отец не находил времени для Кортни, но после ее окончания стало еще хуже. Война сделала что-то страшное с этим человеком, ведь, в конце концов, из-за своих человеколюбивых убеждений ему пришлось воевать с людьми, среди которых он родился и рос. Вернувшись домой в 1865 году, Эдвард забросил практику и превратился в затворника. Запираясь в кабинете, он пил, чтобы забыть все смерти, которые не смог предотвратить. Благополучие семейства Хорте пошатнулось.

Если бы не предложение старого наставника Эдварда доктора Амоса возглавить его практику в техасском городке Уэйко, отец Кортни наверное, спился бы до смерти. Доктор Амос писал, что разуверившиеся во всем южане хлынули на запад в поисках новой жизни. Эдвард решил стать одним из тех, кто предпочитает надежду разочарованию.

У Кортни тоже должна была начаться новая жизнь. Больше не будет ни школ, ни долгих разлук с отцом. У девушки появился шанс убедить его, что она вовсе не обуза, и что любит его. Они будут жить вдвоем, и никто не встанет между ними, говорила Кортни себе.

Но когда в Миссури их поезд задержался, отец сделал нечто невообразимое. Он неожиданно женился на Саре Уайткомб, которая уже пять лет служила у них экономкой. Скорее

всего, ему пришлось пойти на это, чтобы пресечь разговоры о том, что одинокой тридцатилетней женщине неприлично путешествовать с доктором Хорте.

Эдвард не любил Сару, а Сара положила глаз на Хайдена Сорреля, одного из двух мужчин, которых Эдвард нанял в сопровождающие на время переезда через опасные земли Техаса. Сара резко изменилась прямо в день свадьбы. Если раньше она была очень добра к Кортни, то теперь сделалась настоящей мегерой: командовала, критиковала, не задумываясь о чувствах других. Кортни уже и не пыталась понять природу этой перемены. Она просто старалась как можно меньше попадаться Саре на глаза. Но это было не просто, когда пять человек в одном фургоне пересекают прерии Канзаса.

Покинув Уичито, они двинулись вдоль реки Арканзас и отдалялись от русла только для того, чтобы подыскать усадьбу или городок для ночлега. В конце концов, впереди их ждало еще немало ночей под открытым небом, когда они доберутся до двухсотмильного отрезка пути, тянувшегося через Индейскую территорию.

Индейская территория. От одного названия Кортни бросало в дрожь. Но Хайден Соррель и второй парень, которого звали просто Даллас, уверяли, что бояться там нечего, если взять с собой несколько коров, для подкупа индейцев. Джесси Чизхольм, наполовину чироки, нашел сравнительно ровный путь между Сан-Антонио, Техасом и Уичито. В 1866 году Чизхольм возил по этому пути товары, а потом поселенцы стали использовать маршрут, чтобы пересекать прерии. Люди прозвали дорогу Тропой Чизхольма. Первые стада скота из Техаса попали в Абилин именно по этой дороге.

Нынче стада через Канзас перегонял торговец скотом из Иллинойса Джозеф Маккой, кроме того, их перевозили по Канзасско-Тихоокеанской железной дороге, западную ветку которой наконец дотянули до Абилина. Пресная вода Смоуки-Хилл, тучные пастбища и близкое соседство с фортом Райли сделали Тропу Чизхольма идеальной дорогой для перегона скота на восток.

Железная дорога преобразила жизнь Абилина. Еще в прошлом году весь город состоял из дюжины деревянных домов, теперь же он значительно разросся. Тут появилось несколько салунов и прочих зланных мест, привлекательных для ковбоев, пригонявших стада.

Было бы еще лучше, протянись железная дорога дальше. Но пока этого не случилось, и Абилин стал самой дальней точкой, до которой Хорте смогли добраться с относительным удобством. Там они купили фургон, чтобы перевезти те немногие вещи, что взяли с собой из дома. Этот фургон уже ездил по Тропе. Осознание того, что их транспортное средство однажды уже безопасно пересекло Индейскую территорию, немного успокаивало.

Кортни с большим удовольствием вернулась бы на восток и добралась до Техаса объездным путем. Изначально они так и планировали: пересечь юг и потом попасть в Техас с востока. Но Саре захотелось провести родственников в Канзас-Сити, прежде чем ехать в такую даль. Поэтому, когда Эдвард услышал об этой безопасной коровьей тропе, и узнал, что она проходит мимо Уэйко – их пункта назначения, – он решил изменить маршрут. В конце концов, они уже находились в Канзасе, и путешествие напрямик сэкономило бы массу времени. На самом же деле он не хотел ехать через юг по совсем другой причине: он боялся снова увидеть царившую там разруху. И когда подвернулся новый, более удобный путь, Эдвард охотно принял его.

Даллас уехал вперед к ферме, которую они заметили, а потом вернулся с сообщением, что хозяева разрешили им переночевать в сарае.

– Нам это подходит, доктор Хорте, – сказал Даллас Эдварду. – Нет смысла сворачивать с пути и ехать лишнюю милю, чтобы ночевать в Рокли. Это мелкий городишко, и там для нас может не оказаться места. Утром мы возвратимся к реке.

Эдвард кивнул, и Даллас направился на свое место рядом с фургоном. Кортни не нравился ни Даллас, ни его друг Хайден, всю дорогу продолжавший строить глазки Саре. Даллас намного младше Хайдена, ему около двадцати трех лет, поэтому Сара его не интересовала.

Зато он проявлял интерес к Кортни. Грубоватая красота Далласа тоже привлекала Кортни, и его интерес очень польстил бы ей, если бы она не видела, как жадно он ощупывает взглядом каждую попавшуюся на пути женщину. Будучи достаточно умной, чтобы не потерять голову от внимания мужчины, она понимала, что интересуется его только потому, что он – нормальный здоровый парень, а она – единственная в их компании женщина, достаточно молодая, чтобы удовлетворить его вкусы.

Кортни знала, что некрасива, по крайней мере не настолько красива, чтобы привлекать мужчин, когда рядом есть другие женщины. О, у нее красивые волосы и глаза, и приятные черты лица, если не обращать внимания на пухлые щеки, но мужчины редко это замечали. Они смотрели на ее приземистую, полную фигуру и отводили взгляд.

Кортни ненавидела свою внешность, но еда часто была для нее единственным утешением. Несколько лет назад ей было все равно. Дети дразнили ее из-за веса, а она в ответ ела еще больше. Когда же собственная внешность начала ее волновать, она попыталась сбросить вес и, надо сказать, преуспела. Теперь ее называли пухленькой, а не жирной.

Единственное, что утешало и радовало после женитьбы отца, – он начал замечать Кортни, подолгу разговаривал с ней, когда они ехали рядом в фургоне. Но девушка приписывала это не его женитьбе. Скорее это происходило потому, что в дороге они вынуждены были находиться рядом. Как бы то ни было, у нее стали появляться мысли о том, что все не так безнадежно. Может быть, отец и правда снова полюбит ее так, как любил до смерти мамы.

Эдвард натянул вожжи и остановился перед большим сараем. Кортни прожила всю жизнь в Чикаго. И ее не переставало удивлять, что есть люди, которые, как фермер, вышедший их поприветствовать, добровольно селятся в такой глуши, где нет даже соседей. Кортни нравилось бывать одной, но только в доме, окруженном другими домами, где наверняка есть люди. Жить так далеко от общества, в этих диких местах, где все еще промышляли индейцы, было небезопасно. Фермер оказался могучим мужчиной, весом не меньше двухсот пятидесяти фунтов² со светло-кариими глазами на румянном лице. Улыбаясь, он сказал Эдварду, что в сарае хватит места и для фургона. Когда фургон въехал в сарай, мужчина помог Кортни выйти.

– А вы хорошенькая! – сказал он и протянул руку Саре. – Только вам бы не мешало немного набрать весу, дорогуша. Вы просто тростинка.

Кортни вспыхнула, по ее лицу пошли красные пятна разных оттенков, она опустила голову, надеясь, что Сара этого не услышала. Он что, сбрендил? Она уже два года пытается сбросить вес, а этот человек говорит, что она слишком худая. Пока Кортни боролась с замешательством, Даллас подошел к ней сзади и прошептал на ухо:

– Он сам здоровяк, и ему нравятся крупные женщины, так что не обращайтесь внимания. Еще годик-два, детская пухлость уйдет, и вы станете первой красавицей в северном Техасе.

Если бы Даллас увидел сейчас ее лицо, он бы понял, как обидел ее этот комплимент. Кортни почувствовала себя униженной. Столько критики со стороны мужчин она вынести не могла. Девушка бросилась из сарая и спряталась за его задней стеной. На многие мили вокруг раскинулась прерия. Слезы заблестели в ее золотисто-карих глазах, отчего они стали похожи на два медовых озера.

Слишком жирная, слишком тощая – как люди могут быть такими жестокими? Неужели в двух настолько противоположных мнениях может быть хоть доля искренности? Или из этого следует сделать вывод, что мужчины никогда не говорят правды? Кортни не знала, что и думать.

² 113 кг.

Глава 4

Элрой Брауэр пребывал в благостном расположении духа. В его доме еще никогда не было столько людей с тех пор, как он его построил. Вчера он весь день бездельничал, но его это ничуть не беспокоило. У него не было желания возвращаться за плугом в Уичито, тем более в таком похмелье, в каком проснулся. Но и похмелье его нисколько не смущало. Мужчине нужно время от времени напиваться. К тому же у него была приличная компания: Билл Чепмэн и остальные устроились на ночлег в сарае вечером третьего дня и, празднуя победу, выпили немало виски. Только двух Джоев не было с ними – сразу после бойни они уехали на юг. А вечером явился доктор с двумя дамами и ковбоями. Разве можно было представить, что за его столом когда-нибудь будут ужинать дамы? И это были настоящие леди. Это сразу было понятно по их дорогим дорожным платьям и манерам. И по их нежной белой коже, само собой. Младшую он даже вогнал в краску.

Элрой был бы счастлив, задержись они на ранчо на несколько дней. Плуг вместе с быками подождут. Чепмэн заплатил за хранение, и Элрой мог забрать их, когда захочет. Но доктор сказал, что они уедут утром. Да еще настоял на том, что на рассвете пойдет на охоту, чтобы отблагодарить Элроя за ужин. Что ж, пусть постреляет, в этом нет ничего плохого. Хороший человек этот доктор, воспитанный. Заметив три царапины на шее Элроя, предложил ему какую-то целебную мазь.

Когда об этих царапинах зашел разговор, Элрой немного занервничал. Не то, чтобы он почувствовал стыд, вовсе нет. Только о таких вещах не принято говорить при дамах: об изнасилованиях и о том, что случилось в индейском лагере. Но доктор не спросил, как фермер получил эти царапины, а сам Элрой не стал рассказывать.

Месть доставила ему необычайное удовольствие. К тому же теперь не нужно было волноваться о близости индейцев к его дому. Черт возьми, убить их оказалось очень просто. Позабавиться с их женщинами тоже было несложно. Почему поначалу индейцы вызывали у него такую тревогу, он не понимал. И неуверенность, родившаяся, когда он увидел, что маленькая дикарка, поцарапавшая его, только наполовину индейской крови, продлилась не дольше мгновения. Ее глаза смотрели на него с такой ненавистью. Но он все-таки взял от нее, что хотел. Элрой был чересчур возбужден происходившими вокруг убийствами, чтобы отпустить ее. Элрой даже не понял, что девочка умерла до того, как он закончил. Чувства вины из-за случившегося он не испытывал, только раздражение оттого, что никак не мог забыть эти глаза.

Решив, что дамы уже встали и оделись, Элрой отправился в сарай пригласить их на завтрак. Доктор с Далласом тоже должны скоро вернуться с охоты. Второй помощник, Соррель, брился у колодца и, наверное, опять рассказывал всякие небылицы Питеру. Элрой боялся, что Питер скоро оставит его. Парень поговаривал о желании записаться в Седьмой кавалерийский полк, чтобы сражаться с индейцами. Элрою оставалось лишь надеяться, что он хотя бы дождется окончания сбора урожая.

Кукурузное поле Элроя начиналось в двадцати ярдах от его бревенчатого дома. Высокие стебли плавно покачивались. Если бы Элрой, направляясь к сараю, заметил это, он бы мог подумать, что в поле бродит какое-то животное, потому что ветра в ту минуту не было, ни малейшего дуновения. Но он ничего не заметил. Он думал о том, что, как только доктор Хорте со своей компанией уедет, нужно будет ехать в Уичито за плугом.

Кортни проснулась полчасика назад и ждала, пока Сара закончит утренний туалет. Сара была женщиной привлекательной, и каждое утро тратила много времени на то, чтобы все могли это увидеть: укладывала каждую волосинку, возилась с пудрами и лосьоном, чтобы защитить кожу от солнца. Только из-за тщеславия Сары их путешествие так затянулось. Им повезет, если они доберутся до Уэйко к началу зимы. А все потому, что Сара упростила Эдварда заехать

в Канзас-Сити к ее родственникам: ей хотелось похвастаться мужем, доктором и важным человеком, чтобы все в ее родном городе увидели, как она сумела устроиться в жизни.

Хорошенько пошумев, прежде чем войти, фермер просунул голову в дверь.

– Бекон готов, дамы. Можно еще яиц быстренько приготовить, если вы захотите позавтракать в доме.

– Вы очень любезны, мистер Брауэр, – улыбаясь, ответила Сара. – А мой муж еще не вернулся?

– Нет, мэм, но, думаю, он скоро будет. В это время года здесь полно дичи.

Фермер ушел. Услышав, как он опять стал шуметь за дверью, Кортни удивленно покачала головой. Почему он шумел, когда приходил, понятно, но сейчас-то зачем?

Вдруг дверь рывком распахнулась, и в сарай ввалился Элрой Брауэр, державшийся за бедро. Из его ноги торчала длинная тонкая палка. Зачем это он...

– Господи Иисусе, их *было* больше! – простонал Элрой, поднимаясь на ноги и обламывая древко стрелы.

– Что случилось, мистер Брауэр? – спросила Сара, подбегая к нему.

Элрой снова застонал.

– Индейцы. На нас напали.

Сара и Кортни уставились на него, разинув рты, а Элрой хрипло произнес:

– Туда! – Он указал на нечто, похожее на большую кормушку для лошадей с крышкой, и крикнул, с каждой секундой приходя во все большее волнение: – Я вырыл яму для жены! Она была большой женщиной, поэтому вы обе туда поместитесь. Полезайте внутрь и *не высовывайтесь*, даже если будет тихо. Мне нужно вернуться в дом за винтовкой.

И он исчез. Ни Сара, ни Кортни не хотели ему верить. Не может быть, чтобы это происходило по-настоящему. Это просто невозможно.

Когда Сара услышала выстрел из винтовки и сразу за ним еще один, ей стало дурно.

– Лезь в ящик, Кортни! – крикнула она и побежала к ящику. – О Боже, нет, только не сейчас, когда все так хорошо шло.

Кортни механически двинулась к ящику и полезла внутрь следом за Сарой. У ящика не было дна. Дыра под ним уходила в землю на два с половиной фута, и, сидя на корточках, они могли спрятаться в ней полностью.

– Закрой крышку! – рявкнула Сара, испуганно выпучив серые глаза.

– Нам нечего бояться. Они не найдут нас. Это ведь просто глупые дикари. Они даже не будут здесь искать. Они...

Сара замолчала, когда они слышали крик за сараем, жуткий вопль, наполненный ужасной болью. Дальше было хуже: последовали разные звуки, животные звуки, которые становились все громче с каждой секундой. А потом у самой двери сарая раздался истошный вой. Кортни вздрогнула, выходя из транса, и закрыла крышку, погрузив их в темноту, от которой стало еще страшнее.

– Сара, Сара!

Кортни заплакала, когда поняла, что Сара лишилась чувств. Несмотря на тепло обмякшего рядом тела женщины, она почувствовала себя одинокой. Сегодня она умрет, а ей так не хотелось умирать. Она знала, что ее смерть будет постыдной, она будет кричать и умолять, а потом все равно умрет. Всем известно, что индейцы беспощадны.

«Боже, если мне суждено умереть, сделай так, чтобы я не умоляла о пощаде. Дай мне мужества ни о чем их не просить».

Эдвард Хорте, услышав первый выстрел, бросился обратно на ферму, Даллас последовал за ним. Но когда они оказались достаточно близко, чтобы увидеть, что происходит, молодой человек развернул лошадь и бросился наутек. Даллас не был героем.

Эдвард не знал, что продолжает скакать один, потому что думал только о спасении дочери. Он подъехал к ферме сбоку и увидел четырех индейцев, окруживших тела Питера, молодого помощника фермера, и Хайдена Сорреля. Первый выстрел Эдварда попал в цель, но в его плечо тут же вонзилась стрела. Она прилетела со стороны сарая, и он выстрелил в том направлении.

Это был его последний выстрел. Еще две стрелы попали в цель, он упал с лошади и больше не двигался.

Восемь воинов-команчей получили то, за чем пришли. Они дошли до этой фермы по следам тринадцати лошадей. Они видели, что из фермы выехало только одиннадцать лошадей. Значит, на ферме осталось два человека, двое из тринадцати воинов, которых они искали. Один из этих двоих был уже мертв. Огромный фермер пока еще нет.

Фермер был только ранен. Четыре индейца теперь пытали его, пока остальные команчи обыскивали дом и сарай.

Двое команчей вошли в сарай. Один залез в фургон и стал рыться в нем, вышвыривая содержимое. Другой осматривал строение в поисках укрытий. Его цепкий взгляд ощупывал каждую деталь с убийственной наблюдательностью.

По его лицу невозможно было судить о его мыслях: его переполняло ужасное, мучительное горе. Вчера в лагере он увидел ужасающую картину; кошмар, оставленный бледнолицыми. Впервые после трехлетнего отсутствия он вернулся к своим, но, как оказалось, слишком поздно – он не успел спасти мать и сестру. Месть не воскресит умерших в страшных мучениях, но может облегчить его собственную боль.

Следы в грязи привлекли его внимание, и он медленно подошел к ящику. В руке он сжимал короткий, острый, как бритва, нож, которым свеживал животных.

Кортни не слышала, как двое индейцев вошли в сарай. Ее сердце колотилось так громко, что заглушало остальные звуки.

Крышка ящика распахнулась, и не успела Кортни ахнуть, как индеец схватил ее за волосы. Она зажмурилась, чтобы не видеть, как будет нанесен смертельный удар. Она поняла, что ей перережут горло, потому что он откинул ее голову назад, обнажив шею. В любую секунду теперь, Боже, в любую секунду...

Девушка отказывалась открывать глаза, но он хотел, чтобы она смотрела на него, когда он будет ее убивать. Вторая женщина валялась на полу ямы без сознания, но эта все понимала и дрожала. Вот только на него не смотрела, даже когда он со всей силы накрутил ее волосы на кулак. Он знал, что делает ей больно, но она упрямо не открывала глаза.

А потом, сквозь туман неистовства он стал ее осматривать. Он понял, что она не местная. Дорогая одежда, не из ситца, и не из линялого хлопка; кожа, слишком белая для жены или дочери фермера, почти прозрачная, не тронутая солнцем. Волосы гладкие, как шелк, были не светлыми и не каштановыми, а соединяли в себе оба оттенка. Присмотревшись внимательнее, он понял, что ей вряд ли больше четырнадцати, разве что совсем чуть-чуть. Медленно он перевел взгляд с нее на фургон и увидел многочисленные платья, которые выбросил из него Кривой Палец. Он отпустил волосы девушки.

Кортни была слишком испугана. Прошло много времени, а лезвие так и не коснулось горла. Когда ее отпустили, не знала, что и думать. Но, открыв глаза, едва не лишилась чувств. Никогда прежде она не видела ничего, страшнее индейца.

Длинные, черные как смоль волосы, сплетенные в две косы. Обнаженная грудь, вымазанная краской цвета разбавленной крови. Краска нескольких цветов делила его лицо на четыре части и скрывала черты, но глаза, устремленные на нее, поразили ее. Глаза как будто не принадлежали этому человеку. Они вовсе не казались угрожающими, как вся его внешность.

Кортни смотрела на него, когда он отвернулся от нее, а потом снова впился в нее глазами. Она набралась мужества посмотреть на его тело, но уставилась на руку, державшую направленный на нее нож.

Он видел, как кошачьи золотые глаза расширились при виде ножа, и в следующий миг девушка лишилась чувств. Индеец раздраженно заворчал, когда она рухнула рядом с другой женщиной. Глупые восточные женщины даже не удосужились вооружиться.

Вздохнув, он заколебался. Круглые детские щечки делали ее слишком похожей на его сестру. Индеец не смог убить девушку.

Тихо закрыв крышку ящика, он вышел из сарая и подал знак Кривому Пальцу, что они и так уже потратили слишком много времени.

Глава 5

Элрой Брауэр проклинал судьбу, по велению которой оказался в Уичито именно в тот день, когда там объявился Билл Чепмэн. Он знал, что теперь умрет. Но когда... когда? Он и его похитители были уже в нескольких милях от фермы. Они ехали на север по следам Чепмэна и не останавливались до тех пор, пока солнце не зависло прямо над головой.

Индейцы смогли справиться с Элроем, только навалившись на него все вместе. Борьба не была долгой. В одно мгновение Элрой оказался раздетым, его распластали на горячей земле. Мужчина почувствовал, как части его тела, никогда не видевшие солнца, начали медленно раскаляться под жаркими солнечными лучами.

Проклятые дикари расселись вокруг и начали наблюдать за тем, как он истекает потом. Один из них периодически постукивал по торчащей из его бедра стреле каждые пять секунд, и боль пробивала Элроя волнами, которые не успевали затихать до следующего удара.

Элрой знал, чего они хотели, понял, когда ему указали на три мертвых тела на ферме. Индейцы объясняли терпеливо: поднимали два пальца, показывали на него, а затем на три тела. Они знали, что двое участников резни в индейском поселении находились на ферме, и знали, что он один из них.

Фермер пытался убедить их, что он не тот, кого они ищут. В конце концов, там было два лишних тела. Они не верили ему, и, не получая нужного ответа, резали его.

Когда на его теле уже кровоточило с полдюжины небольших ран, он указал на труп Питера. Какая разница? Мальчик все равно был мертв, и уже не мог страдать. Но Элрой страдал, наблюдая за тем, что они делали с телом Питера. Он облевал всего себя, когда они кастрировали труп, затолкали кусок плоти в рот парня и зашили губы. Послание будет понятно любому, кто найдет изуродованное тело Питера. И только Элрой знал, что с Питером это сделали, когда тот был уже мертв.

Повезет ли ему, как Питеру? Единственная причина, по которой он все еще жив, это намерение индейцев с его помощью разыскать остальных участников резни. И все же, чем дольше они продержат его в живых, тем больше он будет страдать. Элрой готов рассказать им все, что знает, только бы они после этого его сразу прикончили. Но что толку, эти люди все равно его не понимали? Да и, Господь свидетель, он не знал, где искать остальных. Поверят ли они в это? Разумеется, нет.

Один из команчей склонился над ним. Из-за солнца Элрой различил лишь черный силуэт. Он попытался поднять голову и увидел руки индейца. Тот держал несколько стрел. Неужели они, наконец, решили покончить с ним? Но нет. Почти нежно, индеец ощупал одну из ран Элроя. После чего мучительно медленно вставил в рану наконечник стрелы, и не прямо, а боком, в мышцу, и еще, о Боже, они что-то раскаленное положили на наконечник, чтобы он обжигал изнутри. Как будто ему на кожу упал раскаленный уголь и остался на ней. Элрой стиснул зубы, отказываясь кричать. Не закричал он и тогда, когда с остальными ранами проделали то же самое. Он все держал в себе. На нем было всего шесть ран. Столько он мог выдержать. Потом они оставят его в покое на некоторое время, чтобы его тело поглотила боль.

Элрой попытался отогнать боль усилием воли. Он подумал о дамах, которых нелегкая занесла на его ферму. Слава Богу, он хоть не видел, что с ними случилось. А потом вдруг он снова увидел преследовавшие его полные ненависти глаза. Изнасилование той индейской девочки не стоило этого. Ничто этого не стоило.

Наконец, Элрой закричал. Не важно, что у него закончились раны. Индеец сделал новый надрез и вставил в него наконечник еще одной стрелы. И тут Элрой понял, что они не остановятся, пока его тело не будет полностью покрыто стрелами. Он больше не мог терпеть, зная,

что от боли не будет спасения. Он кричал, сыпал проклятиями и вопил, но его снова резали, и огонь внутри превратился в пожар, охвативший все тело.

– Твари! Будьте вы прокляты! Я вам расскажу все, что вы хотите знать. Я все расскажу!

– Расскажешь?

Элрой перестал кричать, на долю мгновения позабыв о боли.

– Ты говоришь по-английски? – тяжело дыша, спросил он. – О, слава Богу!

Теперь появилась надежда. Теперь можно было торговаться.

– Что ты хотел рассказать мне, фермер?

Мягкий, приятный голос озадачил Элроя.

– Отпусти меня, и я назову имена людей, которых вы ищете. Всех до единого. И скажу, где их стоит искать, – задышав, проговорил он.

– Ты нам это и так расскажешь, фермер. Тебе нужно выторговывать не жизнь, а смерть... быструю смерть.

Приподнявшись в надежде на спасение, после этих слов Элрой снова рухнул на землю. Он был побежден. Теперь он мог надеяться только на быструю смерть.

Фермер рассказал индейцу все: назвал имена, описал внешность и все возможные направления поиска. Он отвечал на каждый брошенный ему вопрос быстро и правдиво, заканчивая каждый раз мольбой: «теперь убейте меня».

– Как ты убил наших жен, матерей и сестер?

Индеец, который говорил на таком понятном, правильном английском, встал у его ног. Теперь Элрой мог хорошо его рассмотреть: лицо, глаза... О Боже, это были *ее* глаза, они смотрели на него с той же пылающей ненавистью. И тогда Элрой понял, что этот человек не позволит ему умереть быстро.

Элрой облилизал губы. Сам не зная зачем, он произнес:

– А она была ничего. Тощая, правда, но мне с ней было приятно. Я был последним, кто поимел ее. Она умерла подо мной, когда мой...

Гортанный вой, вылетевший из глотки воина, прервал глумливые слова фермера. Один из индейцев попытался удержать молодого воина, но не смог. Боль показалась Элрою не сильной, она лишь стала завершением всей той боли, которую он испытал до этого. Он умер, увидев зажатую в руке команча часть собственного тела, которую только что собирался упомянуть.

В трех милях от места, где все это происходило, Кортни Хорте мрачно взидала на разбросанное содержимое фургона, на разорванную одежду, разбитый фарфор, растоптанные запасы продовольствия. Она не могла решить, что спасать. Она вообще не могла собраться с мыслями, в отличие от Сары, которая раскладывала их скарб, как будто ничего особенного не произошло.

Для Кортни то, что она осталась жива, оказалось потрясением. Но было кое-что страшнее: она лишилась отца.

Берни Бикслер, ближайший сосед Элроя Брауэра, увидел дым над подожженным домом Элроя и пришел узнать, что случилось. Он нашел два трупа за домом и Сару с Кортни в ящике. Даллас, Элрой Брауэр и Эдвард Хорте исчезли. Но отец Кортни побывал здесь – в кукурузном поле нашли его лошадь, и она была в пятнах крови. Может быть, Эдвард был ранен?

– Я бы увидел его, если бы он спасся и направился в Рокли за помощью, – сказал им Берни. – Скорее его и двух других забрали индейцы. Наверное, решили, что им не мешает иметь пару сильных пленников, пока они не найдут другое племя, к которому могли бы прибиться.

– Почему вы так говорите, мистер Бикслер? – спросила Сара. – Я думала, они обычно берут в плен женщин.

– Прошу прощения, мэм, – сказал Берни. – Но если бы индеец посмотрел на вас и эту молодую девушку, то решил бы, что в дороге вы не протянете долго.

– В дороге? Вам известно, что задумали эти индейцы? – огрызнулась Сара. – Не понимаю, откуда вам это знать. А вдруг их лагерь где-то рядом?

– О, наверняка он был где-то рядом, мэм, наверняка. Так и есть. Это был не набег за домашним скотом. Два дня назад сын Ларса Хандли, Джон, объявился в Рокли и стал похвастаться, как он с Элроем и Питером примкнули к каким-то людям из Уичито, чтобы покончить с бандой кайова, к югу отсюда, которая якобы собиралась напасть на Рокли. Он говорил, что теперь нам нечего бояться, потому что они убили всех: мужчин, женщин и детей. Похоже, кое-кого они все-таки упустили. Эти красномордые, побывавшие здесь сегодня, должно быть, во время нападения на лагерь были на охоте или где-нибудь еще, а, когда вернулись, нашли своих людей мертвыми.

– Это только ваши предположения, мистер Бикслер. Кайова наверняка не единственные индейцы в округе.

Фермер был настолько раздражен, что посчитал нужным добавить:

– Джон Хандли еще хвастался тем, что он сделал в этом индейском лагере... Но об этом я не могу говорить при дамах.

– О, ради всего святого, – усмехнулась Сара. – Значит, они еще и изнасиловали несколько скво. Но это же не означает, что...

– Посмотрите на тело Питера, если хотите знать, что это означает, леди, – с жаром выпалил он. – Но я бы не советовал. То, что индейцы сделали с этим мальчишкой, отвратительно. Хотя другого парня они совсем не тронули. У него чистая рана. Но Питер... мне теперь еще долго будут сниться кошмары. И сдается мне, мы и Элроя найдем где-нибудь поблизости, в таком же виде. Не надо быть мудрецом, чтобы понять – им нужны только эти двое. Если б они приходили за женщинами, вас бы забрали. Нет, это была месть, и ничего больше. Джон Хендли долго здесь не задержится. Индейцы не остановятся, пока не доберутся до каждого.

И Берни вышел из сарая, сказав, что женщинам лучше поторопиться, потому что он не может потратить на них весь день. Поначалу фермер отнесся к ним с большим участием и добротой, но Сара настроила его совсем на другой лад, и теперь ему не терпелось поскорее отправить их в Рокли, чтобы отделаться от них.

Тело Элроя Брауэра нашли неделю спустя солдаты, которые искали мародерствующих индейцев. Как и следовало ожидать, Джон Хендли бежал из Рокли в неведомые края. Его отец больше никогда о нем не слышал. Из Уичито пришла весть, что индейцы напали на какого-то поселенца, но это был последний случай индейского бесчинства в тех краях. Убийство ранчero по имени Билл Чепмэн, возможно, и не было связано с этой историей, но поговаривали, что именно он организовал нападение на индейцев. Чепмэн был найден жестоко убитым в своей постели. Одни говорили, что это дело рук индейцев, другие, что нет. Убийцей мог быть кто-то из нанятых работников Чепмэна: многие из них разъехались сразу после убийства.

Эдвард Хорте пропал бесследно. Сара Уайткомб Хорте считала себя вдовой. Казалось немыслимым, что раненый человек смог выжить, попав к индейцам, тем более скрывающимся от властей.

Кортни была слишком потрясена, чтобы думать о том, что ее отец остался в живых.

Сара и Кортни теперь оказались привязаны друг к другу – крайне неприятное обстоятельство для обеих.

Глава 6

– Смотри-ка, Чарли, еще один. Думаешь, опять стрелять будут?

Сплюнув комок табака в плевательницу у перил, Чарли взглянул на незнакомца, приближающегося по улице.

– Все может быть, Снаб. Сейчас в городе их еще парочка. Так что, все может быть.

Два старика откинулись на спинки стульев перед магазином Ларса Хандли. Крыльцо Хандли было местом, где они проводили большую часть дня, обсуждая всех, кто проходил мимо. Отсюда были видны оба конца единственной улицы в городе.

– Как думаешь, он с перегонщиками пришел? – спросил Снаб.

– Не похоже, чтобы он скот гонял, – ответил Чарли. – Этот человек стрелок, уж я их хорошо знаю.

– Многие стрелки становились ковбоями, и наоборот.

– И то правда.

По выражению лица Снаб видел, что Чарли остался при своем мнении и согласился только из приличия.

– Интересно, скольких он убил?

– Я бы не стал его спрашивать, – проворчал Чарли. Потом он вдруг прищурился. – Что-то он выглядит знакомым. Может, бывал здесь раньше?

– Кажется, ты прав, Чарли. Пару лет назад, да?

– Скорее, три или четыре.

– Точно. Вспомнил. Пришел поздно ночью, записался на постоялом дворе, но не остановился. Я помню, ты тогда еще говорил о причудах молодых.

Чарли кивнул, радуясь тому, что его замечания кто-то посчитал достаточно важными, чтобы их запомнить.

– Не могу припомнить, каким именем он тогда назвался. Ты не помнишь?

– Какое-то заграничное, кажись. Да?

– Ага, но, кроме этого, ничего не помню. Как отрезало. Ну вот, теперь целый день буду только об этом и думать.

– Ну, похоже, он опять туда же направляется, – заметил Снаб, когда незнакомец остановил лошадь у постоялого двора. – А почему бы нам не сходить и не заглянуть в книгу регистрации?

– Не сейчас, Снаб, – раздраженно ответил Чарли. – Женушка Аккерман так нас погонит, что драпать придется.

– Да не бойсь, Чарли. Эта ведьма, верно, еще не вылезла из постели. А мисс Кортни не станет возражать, если мы немножечко посидим в прихожей и заглянем в книгу.

– Не бойсь, – ворчливо повторил Чарли. – Да он уж наверняка и имя свое сменил... Все они имена меняют... Так что мое любопытство все равно не унять. Но если тебе хочется, чтобы на тебя наорала мегера, на которой женился Гарри, то поднимай задницу и идем.

Улыбка тронула губы Кортни, когда она закрыла дверь в гостевую комнату, закончив там уборку. Она нашла еще одну газету. В Рокли не печатали газет, и новости из внешнего мира она узнавала только из разговоров незнакомцев, проезжающих через город, или газет, которые те изредка забывали на постоялом дворе. Это случалось нечасто. Для живущего в городе, в котором не издается даже завалящего листка, газета ценится не меньше, чем книга. Большинство людей хранили свои экземпляры. У Сары была целая коллекция газет, но она никогда ими не делилась, поэтому Кортни всегда старалась первой найти оставленную газету.

Газету она спрятала под грудой грязного постельного белья, которую ей предстояло перестирать, и направилась к лестнице, планируя незаметно пронести находку в свою комнату, прежде чем заняться стиркой.

Наверху лестницы Кортни замедлила шаги, заметив ждущего внизу незнакомца. Потом она вообще остановилась и сделала нечто такое, что делала очень редко. Она уставилась на мужчину. Поймав себя на этом, девушка возмутилась, однако перестать на него смотреть никак не могла. По какой-то причине этот человек привлек ее внимание, как никто и никогда прежде.

Первое, что она заметила, его прямая осанка и высокий рост. Второе – точеный ястребиный профиль худого лица. Она была уверена – он волнующе красив, хотя рассмотреть могла только левую часть его лица. В его облике все было темным: от черного жилета и штанов до бронзовой кожи и прямых черных волос, которые опускались чуть ниже ушей. Даже серая рубашка и шейный платок были темными.

Мужчина не снял широкополую шляпу, войдя в отель, но на его обуви не было шпор. Странно, потому что седельные сумки, переброшенные через плечо, указывали на то, что он приехал в город, а Кортни никогда не видела человека, который бы ездил без шпор.

А потом она заметила то, чего раньше не могла видеть, – ведь ей была открыта только его левая сторона. На нем были двойные ремни, а значит, к его правому бедру наверняка был пристегнут пистолет. В этом не было ничего необычного – большинство мужчин на Западе носят оружие. Но пистолеты в сочетании с его внешностью, заставили девушку думать, что вооружился он не только ради своей защиты.

Кортни не любила бандитов. Ей они представлялись забияками-переростками, что чаще всего соответствовало действительности. Люди этой породы полагали, что могут говорить и делать все, что угодно. Мало кто решался перечить им, потому что поступая так можно было легко схлопотать пулю.

Казалось бы, Рокли – такой маленький городок, что в нем просто неоткуда взяться большому количеству бандитов. Но нет. За последние несколько лет здесь произошли две крупные перестрелки. Ковбои проходили через Рокли по дороге в ковбойские городки – Абилин и Нью-тон, которые еще недавно были простыми фермерскими поселениями. Эти, как их называли, коровьи города притягивали проходимцев всех мастей. А в следующем году Уичито тоже станет коровьим городом, а до него всего-то семнадцать миль пути, поэтому Кортни ожидала, что поток приезжих только увеличится.

Работая на единственном постоялом дворе в городе, она часто сталкивалась с подозрительными личностями. Один чуть не изнасиловал ее, другие лезли целоваться. За нее дрались, ее преследовали, ей делали в высшей степени неприличные предложения. Это была главная причина, по которой она так отчаянно хотела покинуть Рокли. И почему она не вышла замуж за кого-то в этом городке, может это помогло бы ей вырваться из постоялого двора, где приходится работать с утра до ночи обычной горничной.

Поставив подпись в книге регистраций, незнакомец положил перо. Кортни сразу же повернулась и поспешила через зал к черной лестнице, которая вела прямо на улицу. Это был не самый удобный путь, но она не хотела идти через кухню вниз, где можно было столкнуться с Сарой, которая принялась бы бранить ее за медлительность. Нет, придется обойти дом кругом и войти через переднюю. Только она сделает это после того, как незнакомец поднимется в свою комнату.

Почему-то (она сама не понимала, почему) ей не хотелось, чтобы он ее видел. Конечно, причина не в том, что на ней было старое платье, а волосы не уложены. Ее совершенно не волновало его мнение о ней. Да и наверняка он останется здесь всего на одну ночь. Большинство бродяг так поступало. И тогда она больше его никогда не увидит.

Кортни двинулась к фасаду, пригнувшись под окнами столовой на боковой стороне, чтобы незаметно заглянуть внутрь и убедиться, что мужчина ушел. Она подкралась к парад-

ной двери, даже не осознавая, что продолжает держать на руках кипу грязного белья. Девушка хотела попасть в свою комнату, спрятать газету и вернуться к работе.

С улицы Чарли и Снаб наблюдали за странными перемещениями Кортни. Какого черта она тайком заглядывает в дверь вместо того, чтобы просто открыть ее, а потом резко отскакивает и прижимается к стене, как будто прячась от кого-то? Но затем дверь отворилась, незнакомец вышел, прошел по крыльцу, спустился по ступеням и направился к своей лошади. Наблюдая за ним, старики упустили, как Кортни юркнула в дом. Лишь потом Снаб заметил, что она исчезла.

– Это что было?

Чарли, наблюдая, как незнакомец ведет лошадь к конюшне, произнес:

– Что?

– Мисс Кортни не иначе как пряталась от этого парня.

– Черт возьми, оно и понятно. Вспомни, что с ней сотворил этот ухарь Хорек Паркер. Пробрался в ее комнату и напугал до полусмерти, когда пьяный полез ее лапать. Не знаю, что бы случилось, если бы Гарри не услышал ее крики и не взялся за ружье. А потом был тот тупой ковбой, который пытался схватить ее прямо на улице и ускакать с ней. Она еще лодыжку вывихнула, когда с его лошади свалилась. И еще был случай...

– Да, натерпелась она, Чарли. А сейчас решила, что с этим типом тоже могут быть неприятности, вот и прячется от него.

– Может быть. Но ты когда-нибудь видал, чтоб она убегала со своего постоянного двора, прячась от кого-то?

– Вроде, не видал.

– Тогда, может, наоборот – он ей приглянулся?

– Проклятье, Чарли, это ж глупо!

– А где ты видел, чтоб женщины по-умному себя вели? – засмеялся Чарли.

– Но... я думал, она собирается замуж за Рида Тэйлора.

– Этого хочет ее мачеха. Да только не будет этого – я слышал от Мэтти Кейтс. Рид нравится мисс Кортни примерно так же, как Хорек.

Тем временем на постоялом дворе, прежде чем поспешить в свою комнату, Кортни быстро заглянула в книгу регистрации, лежавшую на столе. Его звали Чандос. Это и все, никакой фамилии, просто Чандос.

Глава 7

– Пожалуйста, поскорее, Кортни! Я не могу просидеть тут весь день. И ты обещала помочь мне выбрать ткань для нового платья.

Кортни посмотрела через плечо на Мэтти Кейтс, сидевшую на перевернутом корыте, и совсем не подобающе для дамы фыркнула.

– Если ты так торопишься, иди сюда и помоги мне развесить эти простыни.

– Ты что, шутишь? Мне предстоит своя стирка, когда я вернусь домой. А штаны у Пирса знаешь, какие тяжеленные! У меня руки не выдержат, если я сейчас тебе помогу. И зачем только я за такого здоровяка вышла?

– Может, потому что ты его любишь? – улыбнулась Кортни.

– Может, – Мэтти тоже улыбнулась.

Мэтти Кейтс была полна противоречий. Маленькая, голубоглазая блондинка, обычно она вела себя дружелюбно и общительно, но иногда замыкалась в себе. Производя впечатление человека независимого, даже властного, Мэтти часто теряла уверенность, о чем знали только ее самые близкие подруги. Кортни, разумеется, входила в их число.

Мэтти твердо верила, что от жизни можно получить только то, что в нее вложишь. Она любила повторять: «Позаботься о себе сам, потому что никто другой этого не сделает».

Мэтти своим примером подтвердила истинность подобного высказывания: преодолев врожденную робость, она вышла замуж за Пирса Кейтса два года назад, когда тот был одним из полудюжины пылких воздыхателей Кортни.

Мэтти никогда не сердилась на Кортни за то, что Пирс был влюблен в нее. Девушка была так рада, когда Кортни из гадкого утенка превратилась в прекрасного лебедя, и ей казалось очень смешным, что мужчины, которые прежде едва замечали Кортни, теперь из кожи вон лезли, чтобы обратить на себя ее внимание.

Мэтти в мыслях иногда называла Кортни своим творением. Не ее красоту, конечно. Привлекательной девушка стала после того, как подросла на несколько дюймов, а последние два года работала так много, что от ее детского жирка не осталось и следа. Но Кортни больше не была такой робкой и нервной, как когда-то, и не сносила покорно все тяготы жизни, будто заслуживала этого. Мэтти нравилось думать, что это она вложила в Кортни немного смелости.

Кортни теперь даже противоречила Саре, не всегда, конечно, но гораздо чаще, чем раньше. Даже Мэтти больше не могла безнаказанно давить на Кортни. Девушка осознала, сколько храбрости в ней заложено.

Кортни поставила пустую корзину для белья на умывальник рядом с Мэтти.

– Ну, мисс Нетерпеливость, пойдем.

Мэтти склонила голову набок.

– А ты не собираешься переодеть платье или причесаться?

Кортни сняла ленту, удерживавшую ее длинные каштановые пряди, перевязала ее и разгладила волосы.

– Готово.

Мэтти захихикала.

– Думаю, сойдет. Твои старые платья все равно смотрятся лучше, чем мои лучшие ситцевые.

Щеки Кортни слегка порозовели, но она отвернулась, чтобы Мэтти этого не увидела. Ей до сих пор приходилось довольствоваться тем гардеробом, который был в ее распоряжении четыре года назад, когда она только приехала в Рокли. Кортни уже выросла из своих платьев. К тому же, они все были пастельных оттенков, какие предпочитают носить совсем юные девицы. Если бы ее одежда изначально не была такой большой, девушка сейчас в нее просто не влезла.

Но ей удалось подогнать все под свою теперь гораздо более стройную фигуру. У некоторых платьев она удлинила подол за счет широко подшитых краев. Впрочем, все платья пришлось удлинять, пришивая внизу полосы материи.

Только старая одежда Кортни – весь этот шелк и муслин, крепдешин и мохер, все ее изящные кружевные воротнички, фишю и баски, даже летние и зимние пелерины из превосходного бархата – в Рокли не к месту. Кортни не любила выделяться, а одежда делала ее заметной, и девушку постоянно терзала мысль, что это портит ей жизнь.

Рокли был маленьким городком и совсем недавно обзавелся двумя салунами и борделем. Здесь остро чувствовалась нехватка молодых женщин, подходящих для вступления в брак. Поэтому последние два года вокруг Кортни постоянно вились поклонники с самыми серьезными намерениями.

Когда Ричард, молодой кузнец, сделал ей предложение, она была так удивлена, что чуть не расцеловала его. Подумать только – настоящее, искреннее предложение. Она уже и не чаяла дожидаться чего-то подобного! Но кузнецу просто нужна была жена. Он не любил ее. Она тоже не любила его, так же, как не любила Джадда Бейкера, Билли или Пирса, но все они хотели на ней жениться. И уж точно она не любила Рида Тейлора, который сейчас ухаживал за ней. Но он был уверен в своей победе.

– Ты когда-нибудь слышала о мистере Чандосе, Мэтти?

Кортни покраснела, удивляясь, почему вдруг задала этот вопрос. Они шли к постоялому двору, и Мэтти задумчиво ответила:

– Не могу сказать. Похоже на имя из твоих уроков истории. Те древние рыцари, о которых ты мне рассказывала.

– Да, есть в его звучании что-то классическое, правда?

– Еще как-то по-испански звучит. Почему ты спрашиваешь?

– Просто так, – Кортни пожала плечами.

Но Мэтти было невозможно провести.

– Ну же, где ты услышала это имя?

– О, он зарегистрировался на постоялом дворе сегодня утром. Я подумала, может, ты слышала что-нибудь о нем.

– Очередной бандит, да?

– Ну, вид у него соответствующий.

– Если он старый, можешь спросить Чарли или Снаба. Они знают всех самых отъявленных головорезов и любят посплетничать.

– Он не такой уж и старый, лет двадцать пять, двадцать шесть, думаю.

– Тогда они, наверное, его не знают. Но если тебе просто хочется узнать, скольких людей он убил...

– Мэтти! Не хочу я ничего такого знать.

– Хорошо, так *что* же ты хочешь узнать?

– Ничего. Вообще ничего.

– Зачем же тогда спросила? – Спустя мгновение она произнесла: – Это он?

Сердце в груди Кортни забилося быстрее, но потом опять успокоилось. На другой стороне улицы, в салоне Рида, прислонясь к столбу, стоял один из двух бандитов, которые недавно появились в городе.

– Нет, это Джим Уорд, – объяснила Кортни. – Он пришел вчера с еще одним.

– Джим Уорд? Кажется, я слышала это имя. Это не оно, случайно, значилось на тех плакатах «Разыскивается», которые в прошлом году Дикий Билл прислал из Абилина?

Кортни пожала плечами.

– Я так и не поняла, зачем маршал³ Хичкок прислал нам эти объявления. У нас ведь никогда не было своего маршала. Никто в Рокли не хотел браться за эту работу, поэтому-то так много бандитов, или «ухарей», как их Чарли называет, преспокойно разгуливают по городу. Не важно, разыскивают его или нет – все равно в Рокли его некому арестовывать.

– Верно, – кивнула Мэтти. – Но благодаря этим объявлениям можно узнать, от кого стоит держаться подальше.

– Если б было возможно, от них *всех* держаться подальше. – Кортни поежилась.

– Само собой, но ты понимаешь, что я имею в виду. Если бы Гарри знал, что Хорька Паркера разыскивают, он бы его пристрелил, а не просто выгнал из города.

Кортни напряглась при упоминании этого имени.

– Не напоминай. Сара месяцами исходила злобой, услышав о награде в тысячу долларов, которую кто-то из Хэйс-Сити получил за этого мерзкого типа.

Мэтти рассмеялась.

– Сара всегда из-за чего-нибудь злится.

Две девушки перешли улицу, надеясь спрятаться от жаркого солнца. Лето подходило к концу, но Канзас, похоже, не знал об этом. Кортни не часто выходила на солнце, кроме тех дней, когда нужно было развешивать белье, но даже этого было достаточно, чтобы каждое лето ее кожа приобретала легкий золотистый загар. Он очень шел к ее глазам цвета золотистого меда.

Ларс Хендли улыбнулся девушкам, когда они вошли в его магазин. Он обслуживал Берни Бикслера, который тоже с ними поздоровался. Тут было еще четверо клиентов, и, похоже, никто никуда не спешил. В магазине Хендли можно было найти все, что угодно, если, конечно, речь шла о вещах практического применения. Единственное, чем он не торговал, это мясо, но Зинг Ходжес, бывший охотник на бизонов, открыл мясную лавку по соседству. В ближнем углу заведения Хендли посетитель мог побриться или постричься, а если нужно, Гектор Эванс мог и зуб вырвать. Цирюльник арендовал у Ларса этот маленький уголок магазина, потому что никак не мог решить, оставаться в Рокли или нет, и пока не хотел тратить деньги на строительство собственного магазина.

Мэтти сразу же потянула Кортни к стене, на которой висели старые объявления.

– Смотри. Видишь? – широко улыбнулась Мэтти. – «Награда триста долларов за живого или мертвого Джима Уорда, которого разыскивают за убийство, вооруженное ограбление и многие другие преступления, совершенные в Нью-Мексико».

Кортни внимательно просмотрела объявление: карандашный набросок человека и впрямь напоминал Джима Уорда, который останавливался на постоялом дворе.

– Там написано, «за живого или мертвого». Зачем они это делают, Мэтти? Это же, считай, разрешение на убийство для всех этих охотников за головами.

– А какой выход? Иначе никто не будет охотиться на преступников. Думаешь, кто-то пойдет против этих убийц, если узнает, что не может сам их убить, если придется? Драки всегда были и будут, и, если охотник за головами, или маршал, или кто-то еще окажется не слишком быстрым, он умрет. Он понимает это и идет на риск. Если же он хорош в своем деле, он ловит свою добычу и получает вознаграждение, а значит, одним преступником становится меньше, и порядочным людям чуточку спокойнее. Ты думаешь, лучше, если никто не будет за ними охотиться?

– Наверное, нет, – вздохнула Кортни. Ей часто нечего было возразить на взвешенные доводы Мэтти. – Просто это так жестоко.

– Ты слишком нежная, – сказала Мэтти. – Но ты же не расстроилась, когда Хорька Паркера убили?

– Нет.

³ Маршал – начальник полиции в некоторых небольших городах США.

– Знаешь, они все такие, Кортни. И нам будет только лучше, если они все умрут.

– Н-наверное, Мэтти.

Девушка усмехнулась:

– Ты безнадежна, Кортни Хорте. Ты и над мертвой змеей будешь слезы лить.

Кортни покачала головой.

– Над змеей? Вот уж не думаю.

– Ну, ладно, – Мэтти постучала пальцем по объявлению. – Как думаешь, этот болван поменяет имя теперь, когда вокруг расклеено столько объявлений с его лицом?

– А, может, мое имя мне нравится.

Девушки ахнули и стремительно развернулись. Джим Уорд стоял прямо перед ними: среднего роста, худощавый, с близко посаженными над крючковатым носом глазами, длинными, нестриженными усами, достигающими до подбородка. Он сорвал объявление, скомкал и засунул в задний карман. Холодные серые глаза буравили онемевшую Мэтти. К Кортни первой вернулся дар речи.

– Она не имела в виду ничего дурного, мистер Уорд.

– А может, мне не нравится, когда меня называют болваном.

– Вы меня пристрелите? – Мэтти усмехнулась, ее вдруг охватило какое-то странное безрассудство.

У Кортни задрожали колени.

– Звучит заманчиво, – зловеще промолвил Уорд.

– Эй, потише! – крикнул им Ларс Хендли. – Мне не нужны неприятности в моем магазине.

– Тогда стой, где стоишь, старик, – рявкнул Уорд, и Ларс остался стоять на месте. – Это касается только меня и мисс Длинный Язык, – закончил Уорд, и Ларс покосился на винтовку, которую держал под прилавком. Но брать ее не стал.

Никто из присутствующих не пошевелился. В магазине повисла гробовая тишина. Чарли и Снаб зашли сразу после Уорда и теперь, сидя в уголке цирюльника, с интересом наблюдали за происходящим.

Гектор, закончив брить клиента, обнаружил, что у него дрожат руки.

Клиент вытер лицо, но со стула не поднялся. Как и другие, он спокойно наблюдал за разворачивающейся драмой.

Кортни уже готова была расплакаться. Подумать только, всего несколько секунд назад она жалела этого человека, потому что кто-то мог его застрелить!

– Мэтти? – Она старалась говорить спокойно. – Мэтти, идем.

– Э-э-э, – произнес Джим и схватил Мэтти за косу и рывком приблизил ее лицо к своему. – Длинный Язык никуда не пойдет, пока не извинится. А после мы с тобой поворкуем, дорогая. Ну?

Он повернулся к Мэтти. Кортни затаила дыхание, увидев, что голубые глаза Мэтти горят.

– Простите, – наконец тихо произнесла Мэтти.

– Громче!

– Прости меня! – яростно закричала девушка.

Посмеиваясь, Джим Уорд отпустил ее.

Но теперь его близко посаженные глаза уставились в Кортни. Он неприятно улыбнулся.

– Почему бы нам с тобой не пойти куда-нибудь, где мы сможем поближе познакомиться, куколка? Я к тебе присматриваюсь, с тех пор как...

– Нет! – выпалила Кортни.

– Нет? – Его глаза превратились в две щелки. – Ты говоришь мне «нет»?

– Мне... мне нужно вернуться на постоянный двор, мистер Уорд.

– Э-э-э. – Его пальцы потянулись к ее руке и крепко сомкнулись на ней. – Кажется, ты не поняла, куколка. Я сказал, что нам нужно поближе познакомиться, этим мы и займемся.

– Пожалуйста... не надо, – крикнула Кортни, когда он потащил ее из магазина. Но он не обращал внимания на ее крики.

– Отпусти ее, Уорд.

– Что? – Джим остановился, оглядываясь. Он не ослышался?

– Два раза я повторять не стану.

Джим продолжал стоять на месте с Кортни, оглядываясь, пока не понял, кто говорит.

– У тебя два варианта, Уорд, – сказал мужчина небрежно. – Или ты имеешь дело со мной, или уходишь. Но выбирай быстро, не заставляй меня ждать.

Джим Уорд отпустил Кортни. Правой рукой он потянулся за пистолетом... А в следующее мгновение он умер.³

Глава 8

Кортни заставляла себя думать о разных приятных вещах. Она вспомнила, как впервые каталась на лошади без седла, как ее поразило, что так ездить намного легче. Как Мэтти учила ее плавать. Как в первый раз сказала Саре заткнуться, и как исказилось при этом лицо Сары.

Это не помогало. У нее перед глазами по-прежнему стоял тот человек, мертвый на полу магазина Ларса Хендли. Прежде Кортни никогда не видела мертвецов. Она не была свидетелем других убийств в Рокли. И в тот день на ферме Брауэра, когда ее жизнь так ужасно изменилась, не видела тел молодого Питера и Хейдена Сорреля, потому что Берни Бикслер прикрыл их до того как она к ним приблизилась.

Она выставила себя такой дурой в магазине, кричала, как ненормальная, пока Мэтти не успокоила ее и не увела на постоянный двор. Теперь Кортни лежала на кровати, с холодным компрессом на глазах.

– На-ка, выпей это.

– О, Мэтти, хватит со мной возиться.

– Кто-то же должен это делать, особенно после того, что устроила тебе Сара, – ответила Мэтти, с негодованием сверкая голубыми глазами. – Кем надо быть, чтобы винить тебя за то, что произошло! Да если кто-то и виноват, то это я в первую очередь.

Кортни приподняла компресс и посмотрела на Мэтти. Она не могла не согласиться. Задирность Мэтти только *усугубила* положение.

– Не знаю, что на меня нашло, – тихо продолжила Мэтти. – Но я правда горжусь тобой, Кортни. Два года назад ты бы прямо там упала в обморок. Но сейчас ни капельки не испугалась этого выродка.

– Я до смерти испугалась, Мэтти, – перебила ее Кортни. – А ты разве *не боялась*?

– Конечно, боялась, – ответила девушка. – Но когда я пугаюсь, начинаю дерзить, и ничего не могу с собой поделать. Теперь выпей. Это лечебная настойка моей мамы, она тебя мигом на ноги поставит.

– Но я не больна, Мэтти.

– Пей, говорю!

Кортни выпила травяной отвар, затем закрыла глаза и снова откинулась на подушку.

– Сара была несправедлива, правда?

– Ну, конечно. Если спросишь меня, ей просто стало стыдно, потому что не узнала этого бандита, не прокралась в его комнату и не пристрелила его за те триста долларов.

– Разве может Сара кого-то пристрелить?

– Кто знает, кто знает, – сказала Мэтти, улыбаясь. – Я так и вижу, как она крадется по коридору ночью с винтовкой Гарри в руках...

– Хватит, Мэтти, – засмеялась Кортни.

– Так-то лучше. Тебе нужно больше смеяться. И посмотри на это вот с какой стороны, Корт: сегодня тебе уже не придется работать.

– Я бы предпочла не думать об этом, – сказала Кортни невесело.

– Итак, Кортни, ты не будешь винить себя. Ты не виновата, что мужчины вдруг глупеют, когда оказываются рядом с тобой. И этот ублюдок заслужил то, что получил. Ты чертовски хорошо знаешь, что он сделал бы с тобой, если бы ему удалось тебя увести.

Кортни содрогнулась. Она знала. Она видела это в его глазах. И ее мольбы гроша ломаного для него не стоили.

– Он действительно был болваном, если думал, что его никто не остановит, – продолжила Мэтти. – Хотя, может, и нет. Если уж говорить по правде, никто бы его не остановил, если бы не этот незнакомец. И Уорду дали выбор. Он мог бы просто уйти, но мерзавец решил иметь

дело с этим парнем. Это был его выбор. – Помолчав немного, она продолжила: – Ты многим обязана этому незнакомцу, Кортни. Интересно, кто он такой.

– Мистер Чандос, – тихо промолвила Кортни.

– Черт! – воскликнула Мэтти. – Я должна была догадаться! Боже мой, неудивительно, что ты так хотела о нем что-то разузнать. А он настоящий красавчик, да?

– Наверное.

– *Наверное?* – рот Мэтти растянулся в широкой улыбке. – Этот человек спас твою добродетель, Кортни. Ты должна хотя бы поблагодарить его, утром он уедет.

– Он уезжает?

Мэтти кивнула.

– Я слышала, как Чарли и Снаб говорили о нем в прихожей. Он забирает тело Уорда и едет в Уичито за наградой.

Кортни внезапно почувствовала, что ее покидают силы.

– Тебе не нужно домой, Мэтти?

– Да, пожалуй. Но Пирс поймет, почему я опоздала, когда я ему расскажу, что случилось. Только обещай мне, что не будешь весь вечер думать об этом.

– Не буду, Мэтти, – тихо ответила Кортни. – Просто теперь я еще больше хочу вернуться на Восток. Такого там не бывает. Это не по-людски, Мэтти.

Мэтти нежно улыбнулась.

– Свою тетю ты не нашла. Все, что ты наконец узнала, это то, что она уже умерла, у тебя никого нет на Востоке, Кортни.

– Знаю. Но я могу найти работу, пусть даже буду заниматься тем же, чем занималась здесь последние четыре года. Мне все равно. Но здесь я не чувствую себя в безопасности, Мэтти. Гарри не защищает меня. Он, наверное, вообще не знает, что я есть на свете. И если невозможно чувствовать себя в безопасности с Гарри и Сарой, придется безопасное место искать самой.

– Ты решила ехать одна?

– Нет, – мрачно ответила Кортни. – Нет, я все еще не могу на это решиться. Но знаешь, Гектор Эванс подумывает уехать отсюда. Может, после того, что случилось сегодня, он захочет вернуться на Восток. Я могу приплатить ему, чтобы он взял меня с собой. У меня есть деньги, о которых Сара не знает.

– Конечно, ты можешь заплатить Гектору, но это будет перевод денег, потому что он и себя не сможет защитить, не говоря уже о тебе. Сейчас в Миссури грабят поезда, ты же знаешь об этом. Ты по дороге, скорее всего, встретишься с бандой Джеймса или с кем-то еще и потеряешь то, что у тебя есть.

– Мэтти!

– Но это правда.

– Тогда мне придется рискнуть.

– Что ж, если ты и впрямь вознамерилась ехать, хотя бы выбери в спутники кого-нибудь, кто не побоится тебя сопровождать. Я думаю, Рид согласится, если его хорошо попросить.

– Да, только захочет, чтобы я сначала вышла за него замуж.

– Ну и выйди, – предложила Мэтти. – Почему нет?

– Мне сейчас не до шуток, – нахмурилась Кортни. – Ты же знаешь, Рид мне даже не нравится.

– Как скажешь, – улыбнулась Мэтти. – Ну, мне пора, Корт. Завтра можем еще об этом поговорить. Только не смей даже думать о том, чтобы использовать Гектора. Он ничего не станет делать, если на тебя нападет какой-то мерзавец. Понимаешь, тебе нужен кто-то вроде Чандоса. Такой не дал бы тебя в обиду. Не хочешь его попросить?

– Нет! Я не могу, – с содроганием промолвила Кортни. – Он же убийца.

– Господи, Кортни, ты меня совсем не слушаешь? Тебе в спутники именно такой человек и нужен. Если ты так волнуешься о своей безопасности, то...

Когда Мэтти ушла, Кортни какое-то время лежала, размышляя о том, что сказала подруга. Нет, Мэтти ошибалась. Если бы она ехала дальше на запад, на юг, или даже на север, тогда с провожатым наподобие мистера Чандоса действительно было бы безопаснее. Но она собиралась на Восток, обратно в цивилизованное общество. Железная дорога была не так уж далеко. Поездка будет легкой. Нужен просто кто-то, чтобы не чувствовать себя одиноко.

Но в одном Мэтти была права. Мистера Чандоса нужно поблагодарить.

Еще час понадобился Кортни, чтобы набраться смелости и отправиться к своему спасителю.

Она надеялась, что мистера Чандоса не окажется в его комнате. Среди прочего в ее обязанности входило по вечерам разносить по комнатам воду и полотенца. Но время было обеденное, и она надеялась, что мистер Чандос будет в столовой. Тогда можно было бы честно сказать Мэтти, что она попыталась поблагодарить его, но не смогла найти. Но нет, так нельзя, она уже чувствовала себя виноватой. Она *должна* поблагодарить его, она знала это, но оказаться лицом к лицу с этим страшным человеком!.. Хотя, если его не окажется в комнате, можно будет оставить ему записку.

Она дважды постучала в его дверь и затаила дыхание. Внимательно прислушалась, потом подергала за дверную ручку. Дверь была заперта. Что ж, нет так нет. Дубликатов ключей от комнат на постоялом дворе не водилось, потому что Гарри твердо верил, что если гость запирает свою комнату, значит, он хочет, чтобы в нее никто не заходил. Но с другой стороны, заходя без приглашения в комнату к кому-то из гостей, которые у них останавливались, ты рисковал схлопотать пулю.

Кортни с облегчением выдохнула. Этот человек был опасен, именно таких людей она всегда старалась избегать.

Но почему-то, не застав его, она в глубине души ощутила нечто, похожее на разочарование. Там, в магазине, когда она услышала, как он сказал Джиму Уорду убрать от нее руки, она сразу перестала бояться. Этот стрелок заставил ее почувствовать себя в безопасности. Она не испытывала этого чувства со дня смерти отца.

Кортни отвернулась, намереваясь написать записку, чтобы оставить ее на столе. Но дверь вдруг открылась. Она снова повернулась и оторопела, потому что в руке мистера Чандоса был пистолет.

– Простите, – сказал он, засовывая пистолет за пояс. Он открыл дверь шире и отошел в сторону. – Входите.

– Нет, я... не могу.

– Эта вода не для меня?

– О! Да... конечно. Простите... я... Я просто поставлю это на ваш умывальник.

Лицо Кортни горело, когда она поспешила к умывальнику, поставила воду и положила полотенца. Она совсем растерялась. Ох, что он о ней подумает? Сначала истерика в магазине Хендли после стрельбы, а теперь этот идиотский лепет.

Кортни потребовалось собрать все мужество, чтобы развернуться лицом к нему. Он стоял, прислонившись к дверному косяку и сложив на груди руки, его высокая фигура, намеренно или нет, перекрывала единственный выход. В отличие от нее, в нем не было заметно никакого напряжения. Более того, он излучал некую небрежную уверенность в себе, которая заставила ее чувствовать себя еще глупее.

Он смотрел на нее прекрасными небесно-голубыми глазами, которые, казалось, обнажили саму ее сущность, вынули на свет все ее слабости. Разумеется, никаких своих чувств он не выдавал: ни любопытства, ни интереса, ни даже намека на то, что он находит ее хоть

немного привлекательной. Но этим он заставил вернуться всю ее прежнюю застенчивость, и она разозлилась.

«Покончи с этим поскорее, Кортни, и убирайся из его комнаты, пока он не разрушил всю твою уверенность в себе, которую ты воспитывала в себе последние годы».

– Мистер Чандос...

– Не надо «мистер». Просто Чандос.

Раньше она этого не замечала, но его голос имел глубокий, успокаивающий тембр.

Взволнованная тем, что все пошло не по плану, Кортни вдруг подумала, а что она вообще собиралась ему говорить.

– Вы боитесь, – сказал он без обиняков. – Почему?

– Нет, нет, я не боюсь, правда, не боюсь. – *«Не дрожи, Кортни!»* – Я... я хотела поблагодарить вас за то, что вы сделали сегодня.

– За убийство человека?

– Нет! Не за это! – *«О Боже, почему с ним так трудно?»* – Я имею в виду... наверное, там нельзя было иначе. Но вы... Вы спасли меня... то есть он бы не стал никого слушать и... вы остановили его... и...

– Леди, вам лучше уйти, пока вы не стали заикой.

Боже, он понял, что творится у нее на душе! Сама не своя от подобного унижения, Кортни смотрела на него, пока он отрывался от дверного косяка и делал шаг в сторону, а потом опрометью бросилась за дверь.

Она бы не остановилась, да только чувство стыда от того, что она все сделала неправильно, пересилило ее уязвленную гордость. Она повернулась. Он все еще смотрел на нее своими невероятными светло-голубыми глазами. Но на этот раз они успокаивали, прогоняли страх и внушали странное ощущение умиротворения. Она не понимала, почему так происходит, но была рада.

– Я вам благодарна, – просто сказала она.

– Не надо. Мне заплатят за мои труды.

– Но вы не знали, что его разыскивали.

– Разве?

Он был в магазине. Он мог услышать их с Мэтти разговор. И все же...

– Какими бы ни были причины, мистер, вы спасли меня, – стояла на своем Кортни. – И хотите вы того или нет, но я благодарю вас.

– Будь по-вашему, – произнес он примиряющим тоном.

Кортни медленно кивнула и ушла, набирая скорость, пока не подошла к лестнице. Она чувствовала, что он провожает ее взглядом. Слава Богу, завтра он уедет! Этот человек совершеннейшим образом лишил ее присутствия духа.

Глава 9

Когда в тот вечер к Кортни зашел Рид Тейлор, она отказалась с ним встречаться, чем заслужила суровый выговор от Сары. Но ей было все равно.

Саре нравился Рид. И Кортни понимала, почему. Они были два сапога пара, оба высокомерны, оба непросты в общении. И оба решили, что она непременно должна выйти замуж за Рида. Кажется, не имело никакого значения, что думала сама Кортни.

Да, Сара была обеими руками за то, чтобы они с Ридом поженились. В последнее время она стала в конце каждого разговора повторять: «Когда уже наконец ты выйдешь замуж и оставишь меня в покое! Я и так поддерживала тебя слишком долго!»

Это была ложь. Кортни с лихвой отплатила за свое содержание. Да и потом, вся помощь Сары заключалась в том, что девушке предоставили жилье и питание. За всю ее работу она не давала Кортни ни гроша. Даже на покупку вещей первой необходимости Кортни зарабатывала деньги, обшивая мисс Кофман в свободное время. Ей приходилось этим заниматься. И Сара не должна была узнать, что в ее комнате спрятано пятьсот долларов.

Эти деньги были получены от продажи кое-какой мебели, которую не захотели оставить новые владельцы их дома, до отъезда Кортни, ее отца и Сары из Чикаго. Сара не знала, что деньги были у Кортни, и что девушка не передала их отцу. Эдвард был слишком занят, чтобы спросить об этом, и в суматохе Кортни о них совсем позабыла. Она засунула их на дно своего чемодана, там они и оставались, даже после нападения индейцев.

Девушка не знала, почему не рассказала о деньгах, когда Сара причитала, что они остались без гроша, что Эдвард не должен был держать все деньги при себе. Но Кортни была рада, что смолчала тогда.

Наверное, она отдала бы эти деньги Саре в случае крайней нужды, но до этого не дошло. Сара быстро нашла им обоим работу на постоялом дворе, и не позднее, чем через три месяца Сара вышла замуж за Гарри Аккермана, владельца этого заведения. Он не был таким лакомым кусочком, как Эдвард, но имел виды на будущее.

Ничего хорошего этот брак Кортни не принес. Она перестала получать плату за работу, а Сара теперь только то и делала, что командовала и бездельничала.

Кортни прекрасно понимала, почему Сара хотела от нее избавиться. Люди начали называть ее «старая Сара», потому что думали, будто Кортни ее дочь. Сколько бы Сара ни повторяла, что Кортни девятнадцать, а до конца года исполнится двадцать лет, люди по-прежнему считали их матерью и дочерью. Саре было всего тридцать четыре, и это предположение было для нее невыносимым.

А постоянное нытье Сары о замужестве Кортни началось после того, как она уговорила Гарри переехать в быстро растущий Уичито. Их новый постоялый двор уже строился. «В том месте можно заработать хорошие деньги», – любил повторять Рид, который тоже надумал переезжать. Его новый салун и игорный зал в Уичито должны были открыться до начала сезона перегона скота 1873 года.

Саре было все равно, переедет Кортни в Уичито или нет, только бы она больше не жила с ними.

Кортни думала о переезде с трепетом. Ведь в Уичито стекалось в десятки раз больше всякого сброда, чем в Рокли. С Сарой ехать она не хотела, а о том, чтобы выйти за Рида, не могло быть и речи. Поэтому у нее вообще не было подходящих вариантов... до сегодняшнего дня, когда в ее голове начал складываться план.

Ей всегда хотелось вернуться на Восток. В Рокли она не останется, а жить в Уичито под мнимой защитой Гарри боялась.

Кортни ворочалась и металась в постели, не в силах заснуть. Наконец, она зажгла свечу рядом с кроватью и принесла газету, которую спрятала в своем бюро. Этой минуты она с нетерпением ждала весь день. К ее разочарованию, это оказалась не восточная газета, а еженедельный листок из техасского Форт-Уэрта, к тому же восьмимесячной давности. И все же это была газета, пусть даже мятая и пожелтевшая.

Расстелив газету на кровати, она прочла первые несколько статей, но заметку о перестрелке пропустила. Еще слишком свежи были воспоминания о мистере Чандосе и мертвом Джиме Уорде.

Она старалась избегать мыслей об Уорде, но почему-то неизменно возвращалась к Чандосу, как ни старалась не думать о нем. Девушке пришлось признать, что он с первого взгляда ей понравился. Чандос был не первым мужчиной, возбуждавшим ее интерес, но никто еще не вызывал у нее такого душевного трепета. Рид Тейлор тоже привлек ее, когда только приехал в город, но это чувство испарилось, стоило ей узнать его поближе.

С Чандосом дело обстояло иначе. Она знала, кто он и чем занимается. Но несмотря на это ее безудержно влекло к нему.

Худощавый и жилистый с головы до ног – от лица до узкой талии и твердых, рельефных мышц длинных ног. Такой, как у него, размах плеч выглядел бы чересчур широким у человека пониже, но для его роста подходил идеально. На загорелой дотемна коже не было изъянов, если не считать крошечного шрама на левой щеке. И что-то в рисунке рта и глаз делало его лицо необычайно привлекательным. Губы были полны ровно настолько, чтобы выглядеть очень чувственными. Окаймленные густыми черными ресницами глаза на фоне темной кожи казались особенно светлыми, что делало их главной особенностью его лица, поражая какой-то чарующей красотой. И все же это была, несомненно, мужская красота.

Находясь рядом с ним, Кортни, как никогда прежде, ощущала свою женственность... и это объясняло, почему она вела себя так глупо.

Кортни вздохнула. Ее взгляд постепенно снова сосредоточился на газете, и на фотографии, на которую она смотрела, но не видела. И тут ее сердце забилося быстрее, глаза недоверчиво расширились. Возможно ли такое? Нет... да!

Она быстро прочитала статью, сопровождавшую нечеткую фотографию, первую фотографию, которую она когда-либо видела в газете. В статье говорилось о задержании некоего Генри Макгинниса, известного вора, промышлявшего кражей крупного рогатого скота в округе Макленнан, штат Техас, пойманного с поличным ранчеро Флетчером Стрэтоном. Люди Стратона привезли Макгинниса в ближайший городок, Уэйко. Других имен не упоминалось, кроме имени маршала и ковбоев, которые передали ему пленника. На снимке преступника вели по главной улице Уэйко в окружении зевак. Фотограф не сумел как следует навести фокус: изображения Макгинниса и прохожих за ним были размытыми. Но один мужчина в толпе был поразительно похож на Эдварда Хорте.

Кортни накинула халат, схватила газету и свечу и побежала в комнату Сары и Гарри, которая была рядом. Она заколотила в дверь, в ответ на громкие удары посыпались проклятия, но она ворвалась внутрь. Гарри застонал, когда увидел, что это Кортни. Сара нахмурилась.

– Ты хоть представляешь, который сейчас...

– Сара! – закричала Кортни. – Мой отец *жив*.

– Что? – в один голос воскликнули Сара и Гарри.

Гарри покосился на Сару.

– Сара, это значит, что мы не женаты?

– Ничего это не значит! – рывкнула Сара. – Кортни Хорте, как ты смеешь...

– Сара, смотрите, – перебила ее Кортни, садясь на кровать и показывая ей фотографию. – Разве это не мой отец?

Сара долго смотрела на фотографию. Потом ее лицо расслабилось.

– Можешь спать, Гарри. У девочки разыгралась фантазия. Кортни, нельзя было подождать с этой чушью до утра?

– Это не чушь. Это мой отец! И фотография была сделана в Уэйко, что доказывает...

– Ничего это не доказывает, – с издевкой перебила ее Сара. – Только то, что в Уэйко есть человек, который отдаленно напоминает Эдварда... Отдаленно! Фотография не четкая, и черты этого человека *размыты*. Он не станет Эдвардом только потому, что у него есть с ним какое-то сходство. Эдвард умер, Кортни. Все говорят, что он не мог выжить в плену.

– Все, кроме меня! – сердито выпалила Кортни. Как может Сара сбрасывать со счетов такое доказательство? – Я никогда не верила, что он умер. Он мог сбежать. Он мог...

– Глупая! Тогда где же он был эти четыре года? В Уэйко? Почему он не пытался нас найти? – Сара вздохнула. – Эдвард мертв, Кортни. Ничего не изменилось. Теперь иди спать.

– Я еду в Уэйко.

– Что? – Сара оторопела, но через мгновение захохотала. – Конечно. Если ты хочешь, чтобы тебя убили, когда ты будешь шататься там одна, конечно же, поезжай. – И потом, раздраженно добавила: – Убирайся, и не мешай мне спать!

Кортни хотела было что-то сказать, но передумала. Она молча вышла из комнаты.

В свою комнату она не вернулась. В том, что она не ошиблась, у нее не было сомнений. Никто не убедил бы ее, что на фотографии не ее отец. Он выжил. Девушка чувствовала это инстинктивно, всегда чувствовала. Он уехал в Уэйко, почему – этого она не знала. Почему он не пытался ее разыскать – тоже не понимала. Но она найдет его сама.

К черту Сару! Она говорила так по той простой причине, что не хотела, чтобы Эдвард был жив. Она нашла себе мужа, с которым собиралась разбогатеть, и который подходил ей больше, чем Эдвард.

Кортни вышла из жилой части в глубине постоянного двора в зал. На стойке горела свеча, но молодого Тома нигде не было видно, хотя он должен был стоять за стойкой всю ночь на случай, если к ним явится какой-нибудь новый клиент. Не застав работника за стойкой, гость может перебудить весь дом, чтобы получить комнату. Бывало и такое.

Но Кортни было наплевать сейчас и на Тома, и на то, что ее могут увидеть в одном халате и ночной рубашке. Со свечой в руке и драгоценной газетой под мышкой она поднялась по лестнице к комнатам гостей.

Она точно знала, что собирается сделать. Это будет самый смелый поступок в ее жизни. Если бы она задумалась о том, что ей предстоит, она бы ни за что не осмелилась на этот шаг, только она решила не думать. Не сомневаясь ни секунды, она постучала в дверь, хотя ей хватило здравого смысла постучать тихо. Сколько сейчас времени, она не знала, но не хотела разбудить кого-то, кроме Чандоса.

Она постучала в третий раз, когда дверь вдруг распахнулась, и ее грубо затащили внутрь. Ее рот накрыла крепкая рука, а к спине прижалась каменная грудь. Ее свечка упала, и, когда дверь захлопнулась, комната погрузилась в полную темноту.

– Вам никто не говорил, что тот, кто будит людей посреди ночи, может не дожить до утра? Кто-нибудь спросонок мог не заметить, что вы женщина.

Он отпустил ее, и Кортни чуть не упала на пол.

– Простите, – начала она. – Мне... мне нужно было увидеть вас. И я боялась ждать до утра... боялась, что могу не застать вас. Ведь утром вы уезжаете, да?

Вспыхнула спичка, и она замолчала. Он поднял ее свечу – как он умудрился увидеть ее в темноте? – зажег и поставил на низкий комод. Кортни заметила рядом с комодом седельную сумку и седло. Он что, вообще не разбирает и не раскладывает свои вещи? Похоже, что нет. Он показался ей человеком, который готов в любую секунду сняться с места.

Она бывала здесь сотни раз, приходя с уборкой, но сегодня комната выглядела по-другому. Большой тканый ковер был свернут и отставлен к стене. Почему? И почему прикро-

ватный коврик засунут под кровать? Полотенца и вода, которую она принесла раньше, были использованы – полотенца сохли над столиком для умывальных принадлежностей. Занавески были задернуты, единственное окно закрыто и, скорее всего, заперто. Чугунная печка в центре комнаты была холодной. На спинке стула, стоявшего посреди комнаты у холодной печи, висели чистая голубая сорочка, черный жилет, платок, в которые он был одет ранее, и ремень. Пустая кобура висела у кровати. Черные сапоги стояли на полу.

Вид измятой постели привел ее в ужас, заставил попятиться к двери. Она разбудила мужчину. Как она могла сделать нечто настолько непозволительное?

– Простите, – извинилась она. – Я не должна была вас беспокоить.

– Но побеспокоили. Значит, вы не уйдете отсюда, пока я не узнаю, зачем.

Это прозвучало как угроза, и, когда это до нее дошло, она вдруг поняла, что он стоит перед нею голый по пояс, и что из одежды на нем только не до конца застегнутые брюки. Она заметила широкую полосу темных волос между его сосками, которая соединялась в форме буквы «Т» с прямой линией волос, спускавшейся по центру живота и исчезающей в брюках. Также она заметила короткий, хищного вида нож, просунутый в одну из петель его пояса. Пистолет, вероятно, был засунут сзади за пояс брюк.

Нет, открывая дверь, он не стал бы рисковать. Она знала: люди на Западе живут по другим законам, и такие мужчины, как этот, всегда настороже.

– Леди?

Она сжалась. В его голосе не было нетерпения, но она понимала, что уже надоела ему.

Она нерешительно посмотрела ему в глаза. Они были такими же непроницаемыми, как и всегда.

– Я... я надеялась, что вы мне поможете.

Как она и думала, пистолет оказался при нем. Он вынул его, подошел к кровати и вложил в кобуру. Потом сел на кровать, задумчиво глядя на Кортни. Этого она уже выдержать не могла. Смятая постель, полуголый мужчина. У нее загорелись щеки.

– Что-то случилось?

– Нет.

– Тогда в чем дело?

– Вы отвезете меня в Техас?

Она сказала это в порыве, не задумываясь. И была рада.

Чуть помолчав, он сказал:

– Вы сошли с ума, да?

Она вспыхнула.

– Нет. Уверяю вас, я говорю серьезно. Мне очень нужно в Техас. Я узнала, что мой отец там, в Уэйко.

– Я знаю Уэйко. Отсюда до города больше четырехсот миль... И половина этого пути проходит через земли индейцев. Вы, очевидно, не знали этого?

– Знала.

– Но думали ехать другим путем?

– Это ведь самый быстрый путь, да? Это маршрут, по которому мы с отцом поехали бы четыре года назад, если бы... Не важно. Я знаю, что там опасно, поэтому прошу вас сопровождать меня.

– Почему я?

Она задумалась на мгновение, прежде чем очевидный ответ пришел ей на ум.

– Мне больше не к кому обратиться... Вернее, есть один человек, но цена была бы слишком высокой. Сегодня вы доказали, что способны защитить меня. Я уверена, что с вами я доберусь до Уэйко в целостности и сохранности. – Она замолчала, думая, сказать ли ту, другую, вещь. – Ну, есть еще одна причина, как ни странно это прозвучит. Вы кажетесь мне... знакомым.

– Я не забываю лиц, леди.

– О, я не говорю, что мы встречались. Я бы, конечно, запомнила вас, если бы мы встречались. Думаю, это ваши глаза. – Если бы она сейчас рассказала ему, как его глаза успокаивают ее, он бы точно решил, что она сумасшедшая. Она до сих пор не понимала причин таких странных чувств, поэтому не стала об этом упоминать. Вместо этого она сказала:

– Может быть, в детстве я доверяла кому-то с такими, как у вас, глазами, не знаю. Я лишь знаю, что почему-то рядом с вами я чувствую себя в безопасности. И, если честно, я не испытывала этого чувства с тех пор как... рассталась с отцом.

Чандос ничего не сказал на это. Он встал, подошел к двери и распахнул ее.

– Я не повезу вас в Техас.

Ее сердце сжалось. До этого ее волновало только то, как она будет просить его, а не возможность его отказа.

– Но... но я заплачу.

– Меня нельзя нанять.

– Но... вы едете в Уичито, чтобы получить деньги за *труп*.

Похоже, эти слова его позабавили.

– Я все равно проехал бы через Уичито по дороге в Ньютон.

– О, – промолвила она, – я не знала, что вы планируете остаться в Канзасе.

– Я этого не планирую.

– Тогда...

– Ответ: нет. Я не нянька.

– Но я не беспомощная... – горячо начала Кортни, но ее остановил его полный сомнения взгляд. – Я найду другого провожатого, – наконец решительно произнесла она.

– Я бы не советовал. Вас убьют.

Это было слишком похоже на то, что сказала Сара, и Кортни рассердилась.

– Я сожалею, что побеспокоила вас, *мистер* Чандос, – резким, уверенным тоном произнесла она и, высоко подняв голову, вышла из комнаты.

Глава 10

Ньютон, небольшой городок в двадцати пяти милях к северу от Уичито, постепенно отвоевывал у Абилина звание главного центра по перегонке скота в Канзасе. Но, построенный по неприглядному образцу своего предшественника, городок, вероятно, мог выдержать только один сезон, на следующий же всерьез претендовал Уичито.

Южнее железнодорожных путей, в районе, названном Гайд-парк, были сосредоточены все танцзалы, салуны, и бордели. Ковбои заполонили эти злачные места, и адское веселье продолжалось днем и ночью. Сплошь и рядом вспыхивали перестрелки. Так же часто случались драки, которые начинались по малейшему поводу.

Это было обычным делом во время сезона перегона скота, потому что ковбоям платили в конце работы, и большинство из них тратили свои доходы в считанные дни.

Проезжая через Гайд-парк, Чандос заметил, что эти ковбои ничем не отличаются от остальных. Одни, опустошив карманы, отправлялись обратно в Техас, другие – искать приключений. Вполне возможно, кто-то из тех, кто направляется на юг, остановится в Рокли, где Кортни Хорте уговорит его отвезти ее в Техас.

Чандос редко позволял своим мыслям проявляться на его лице, но в эту минуту он был очень близок к тому, чтобы нахмуриться. Стоило ему представить молодую Кортни Хорте посреди прерии в обществе одного из этих голодных до женщин ковбоев, и душевное спокойствие покидало его. Еще меньше ему нравился тот факт, что это его трогает. Глупая восточная женщина. Четыре года, которые прошли с того дня, когда он держал ее жизнь в своих руках, ничему ее не научили. Инстинкт самосохранения в ней так и не проснулся.

Чандос остановился перед салуном Таттла, но не покинул седла. Из кармана жилета он вынул шарик из волос, который носил с собой эти четыре года, – из пряди, что осталась в его руке после того, как он схватил Кортни за волосы.

Тогда он не знал ее имени. Но узнал его вскоре, когда отправился в Рокли, чтобы выяснить, что случилось с этой золотоглазой. Кошачьи глаза – так Чандос мысленно называл девушку даже после того, как узнал, как ее зовут. В эти годы он часто думал о ней.

Конечно, он никогда не представлял ее такой, какой увидел сейчас. В его сознании засел образ испуганной девчушки, не намного старшей, чем была его сестра, когда погибла. Теперь же образ изменился: глупая девочка превратилась в красивую женщину... такую же глупую, как раньше, а то и еще больше. Он легко мог представить, что ее упрямая решимость добраться до Техаса приведет к тому, что ее изнасилуют или убьют, и знал, что эти опасения не безосновательны.

Чандос спешился и привязал лошадь перед салуном. Он еще несколько секунд смотрел на шарик в руке, а потом отшвырнул его, проследив взглядом, как легкий ветерок подхватил его и отнес на несколько футов по грязной улице.

В салуне, несмотря на то, что был еще только полдень, за столами и у стойки расположилось по меньшей мере двадцать посетителей. Там была даже парочка дам легкого поведения. За одним из столов раскладывал карты профессиональный картежник, в другом конце зала пил с друзьями городской маршал, и шумел он ничуть не меньше остальных. Три ковбоя с шуточками спорили, кому достанутся шлюхи. Двое подозрительного вида типов молча пили за столом в углу.

– Дэйр Траск сюда не заходит? – спросил Чандос у бармена, заказывая выпивку.

– Не слышал о таком, мистер. Эй, Уилл, ты знаешь, Дэйра Траска? – крикнул бармен одному из завсегдатаев.

– Вроде, нет, – ответил тот.

– Он ездит с Уэйдом Смитом и Лероем Керли, – уточнил Чандос.

– Смирта я знаю. Говорят, он в тегасском Парисе, живет с какой-то бабой. А другие... – Мужина пожал плечами.

Чандос выпил виски. Это уже хоть что-то, пусть даже просто слухи. Вот так, задавая невинные вопросы в салуне, Чандос разузнал, что Траск направляется в Ньютон. О Смите он ничего не слышал два года, с тех пор, как узнал, что его разыскивают в Сан-Антонио за убийство. Чандос проследил путь Лероя Керли до маленького городка в Нью-Мексико, и ему даже не пришлось провоцировать драку. Керли сам лез на рожон. Ему захотелось показать, как быстро он умеет стрелять, поэтому он выбрал поединок с Чандосом и был убит.

Чандос сам не смог бы узнать Дэйра Траска, потому что имел только обрывочное описание его внешности: невысокий, лет тридцати, каштановые волосы, карие глаза. Под это описание подходили два ковбоя и один из мрачных типов за столом в углу. Однако у Дэйра Траска имелаь одна особая примета. На левой руке у него не хватало двух пальцев.

Чандос заказал еще виски.

– Если придет Траск, передайте ему, что его ищет Чандос.

– Чандос? Конечно, мистер. Вы его друг?

– Нет.

Этим было все сказано. Ничто не раздражает бандита больше, чем известие о том, что его ищет незнакомец. На эту удочку Чандос в свое время поймал ковбоя, а потом бродягу Цинциннати. Он надеялся, что на это клюнет и Траск, которому удавалось ускользать от него последние четыре года, так же как и Смиу.

На всякий случай, Чандос внимательно осмотрел троих мужчин, которые подходили под описание Траска. У всех пальцы были целы.

– Чего уставился, мистер? – сказал ковбой, который остался один за столом, когда два его друга отправились со шлюхами наверх. Он был зол, ведь явно проиграл спор и был вынужден ждать, когда вернется одна из женщин.

Чандос не удостоил его ответом. Когда у человека чешутся кулаки, мало что может его успокоить.

Ковбой встал и, схватив Чандоса за плечо, развернул его.

– Сукин ты сын, я задал тебе вопрос...

Чандос с силой ударил его в промежность. Парень сложился пополам и рухнул на колени, его лицо сделалось пепельно-белым. Когда ковбой упал, Чандос вытащил пистолет.

Другой бы на его месте выстрелил, но Чандос был не из тех, кто убивает ради забавы. Он просто прицелился, готовый стрелять, если придется.

Городской маршал Маккласки встал из-за стола, но даже не попытался вмешаться. Он не был похож на своего предшественника, который стремился навести порядок в Ньютоне. На мгновение голубые глаза незнакомца обратились на маршала. Послание было ясным. С ним шутки плохи. Да и потом, кому охота связываться с незнакомцем, у которого пистолет наготове? Двое других ковбоев, подняв руки примирительным жестом, спустились с лестницы, чтобы забрать своего друга.

– Полегче, мистер. У Баки котелок совсем не варит. Он у нас парень не сдержанный, но больше не будет шуметь.

– Черт возьми, еще как...

Ковбой ткнул Баки локтем в бок, поднимая того на ноги.

– Дурень, заткни пасть, пока есть что затыкать. Скажи спасибо, что он башку тебе не снес!

– Я буду в городе еще несколько часов, – сказал им Чандос. – Вдруг ваш друг захочет продолжить.

– Нет, сэр! Мы просто отвезем Баки обратно в лагерь, и если его мозги не проснутся, мы их разбудим. Вас он больше не побеспокоит.

Это было сомнительно, но Чандос не стал заострять на этом внимание. Он просто решил, что, пока не покинет Ньютон, лучше быть начеку.

Как только пистолет Чандоса скользнул обратно в кобуру, зал салуна снова наполнился обычным шумом. Маршал уселся со вздохом облегчения, карточная игра продолжилась. Столкновения такого рода здесь случались так часто, что даже не становились предметом для разговоров. Только кровопролитие могло вызвать волнение в Ньютоне.

Чандос покинул салун Таттла несколько минут спустя. В поисках Траска ему еще предстояло обойти остальные салуны, а также танцевальные залы и бордели. Последние могли отнять немного больше времени: он не был с женщиной, с тех пор как покинул Техас, а неожиданное столкновение с Кортни Хорте в ночной, черт бы ее побрал, рубашке не облегчало ситуацию.

Думая о ней, он заметил шарик волос в грязи в нескольких ярдах от того места, где он его выбросил. Пока он смотрел на него, легкий ветер подкатил волосы к нему. Шарик остановился в нескольких дюймах от его ног. Чандос машинально наступил на волосы, чтобы их не унесло дальше, потом поднял и положил в карман жилета.

Глава 11

В то воскресное утро, пока все добропорядочные граждане были в церкви, Рид Тейлор сидел в своей гостиной, одной из двух комнат, которые он оставил для себя на верхнем этаже своего салуна. Он придвинул к окну стул и положил рядом стопку дешевых романов.

Рид обожал книги с головокружительными приключениями. Одно время Нед Бантлайн был его любимым писателем, но не так давно Рида захватили рассказы о Буффало Билле, написанные другом Билла Ингрехэмом Прентисом. Рид с удовольствием читал и романы самого Буффало Билла, но выше всего он неизменно ставил роман «Сет Джонс, или Пленники фронта», Эдварда Сильвестра Эллиса. Это был первый «десятицентовый роман» Бидла и Адамса⁴, действие которого разворачивалось на просторах Дикого Запада.

Рид с головой ушел в «Бэн Охотничий Нож, или Маленький охотник с северо-запада» Олла Кумса (которую перечитывал пятый раз), когда из спальни вышла Элли Мэй, намеренно привлекая его внимание громким зевком. Только на этот раз ее едва прикрытое тело не интересовало его, потому что он хорошо попользовался им накануне вечером.

– Нужно было разбудить меня, сладкий мой, – гортанно проворковала Элли Мэй, подходя к Риду сзади и обвивая руками его шею. – Я думала, мы проведем весь день в постели.

– Ты неправильно думала, – рассеянно пробормотал Рид. – А теперь беги в свою комнату... вот умница.

Он похлопал ее по руке, даже не потрудившись поднять на нее глаза. Элли Мэй скривилась от досады. Она была симпатичной девушкой с прекрасной фигурой, и очень любила мужчин. Дора, другая девушка, которая работала с ней в салуне Рида, тоже любила мужчин. Но Рид не разрешал им обслуживать клиентов. Он даже нанял одного бандита, проезжавшего через их город в прошлом году, чтобы тот следил за соблюдением этого правила. Гас Максвелл прекрасно справлялся с заданием.

Рид считал обеих девушек своей собственностью и не собирался ждать, когда у него возникло желание уложить одну из них в постель. Но вот беда: из-за того, что ему приходилось делить внимание на двоих, ни одну из них он не укладывал в постель достаточно часто. Элли Мэй и Дора, которые когда-то были подругами, теперь враждовали, потому что Рид был единственным доступным мужчиной.

Элли Мэй почти хотела, чтобы Кортни Хорте и Рид поженились. Может быть, тогда он позволит ей и Доре уйти, чего им обоим хотелось. Он запрещал им уходить из салуна, и они не смели его ослушаться. Рид сказал, что собирается взять их с собой в Уичито, и Элли Мэй надеялась, что там, возможно, все будет по-другому. По крайней мере, там будет маршал, которому они смогут пожаловаться, если ничего не изменится. Здесь, в Рокли, никто не поверит, что Рид – тиран, потому что он содержал чистый, приличный салун, и его уважали.

⁴ Бидл и Адамс – американские издатели конца XIX века, издававшие небольшие дешевые книги приключенческого жанра, так называемые «десятицентовые романы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.